

Мария
Метлицкая

После изметы

За чужими окнами

Мария Метлицкая

После измены (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Метлицкая М.

После измены (сборник) / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2013 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-699-63403-3

Что может быть ужаснее предательства близкого человека? Того, кто был рядом много лет, с которым прошли через все трудности и испытания, вырастили ребенка? Как смириться с тем, что он полюбил другую? Ирина, героиня новой книги Марии Метлицкой, в первую очередь мучается от того, что не может простить мужа, не может начать все сначала, сделать вид, что ничего не было. Все вокруг говорят, что «поход налево» — дело житейское, что все мужчины изменяют, и многие ее подруги, соседки, приятельницы прошли через этот ад, кто-то с большими, кто-то с меньшими потерями. Но Ирина, как ни старается, не может примерить их опыт на себя.

ISBN 978-5-699-63403-3

© Метлицкая М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

После измены	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Метлицкая

После измены (сборник)

После измены

Измену можно простить, а обиду нельзя.

Неверность прощают, но не забывают.

Анна Ахматова

Жизнь не кончается, жизнь продолжается. Никто не умер, и даже никто не болеет. Все через это прошли, все пережили. У кого-то бывало и похуже. А чем ты лучше других? Почему тебя это не должно было коснуться? И так прожила как сыр в масле почти до пятидесяти. И что, наивная, думала, что эта история не про тебя? Ничего. Проглотишь.

Скажи еще спасибо, что так. Что не ушел, не оставил на улице. Не завел ребенка. В ногах ведь валяется! Не знает, как тебе угодить. Как прощение вымолить. Смотри, не увлекайся! Ума-то не хватает вовремя остановиться! Чем больше он перед тобой стелется, тем больше ты кривишься. Меру-то знать надо! Ведь и ему надоест! Терпение-то границу знает! Подберут – не заметишь, и еще в ножки поклонятся, не сомневайся. Он обеспеченный пятидесятилетний мужик, не толстый, не лысый. Здоровый, между прочим. Волосы с сединой, глаза голубые. Спортом занимается. Не пьет и не курит. Остроумный, кстати. Джаз обожает. Книжки читает. Ты сама любишься, когда он из своего высоченного джипа выскакивает, легко, как мальчишка. Ну, не любишься – любовалась.

А ты? Посмотри в зеркало! Посмотри! Только не так, как ты любишь, – в спальне, с приглушенным и теплым светом, да еще и к вечерку. А по-честному посмотри! С утречка! Отдерни тяжелые шторы! И без крема французского, без румян! Лучше – если солнышко в окне. Вот и посмотри, поразглядывай. А то – все мы умные. В зеркало – только после масочки японской и тонального крема.

Да! На весы еще встань! Достань их из кладовки, достань! А то далеко припрятала! Умная какая! Правду никто не любит. Зачем она, эта правда? Какой в ней смысл?

Еще отмени всех своих косметичек, массажисток, парикмахеров. Всех, на кого он так щедро денежки дает, не жалеет. Тряпки свои отмени – солидные, недешевые. Сплошные бренды. Туда же туфельки и сумочки. А сверху, на эту кучку, шубки брось. Три? Или четыре? Ключи от машинки своей шустрой, японской на тумбочку рядом положи. И в метро, матушка. В метро. На рынок оптовый – там дешевле. Там и кофточку подберешь, и колбаски прихватишь. И с сумкой на колесиках к дому. Тебе ведь тяжелое нельзя таскать? У тебя ведь спинка слабая?

И про курорты свои забудь, и про теплые моря. И про отели – не ниже пяти звезд, ни-ни.

На дачу, к маме. Станция Дорохово. А что? Прекрасные места. Лес, пруд. Шесть соток и щитовой домик. Туалет, правда, на улице... Но зато – печка. И воздух, воздух! Да, электричкой почти два часа. А ты как думала? Это не твоя дача – двенадцать километров от Окружной, газ, два туалета – все, как положено.

Не хочешь? И кстати, это не потому, что он подлец и всего тебя лишил. Нет. Он не подлец. Это ты у нас – гордая. В смысле – ничего от него, предателя, не надо. Ничего-ничего. Совсем.

Хорошо подумала? Крепко?

Ну и как? Нравится? Не очень, правда? Но ты не признаешься. Никому и никогда. Даже – себе. Себе в первую очередь!

Ладно. Все. Хватит. Умные все. Рассудительные. Советчики. Чужую беду рукой... Что проще?

Это для вас – рукой. А для меня... А для меня – вся жизнь, вся жизнь... Вкось и вкривь, на триста шестьдесят градусов. С ног сбил. Так сбил, что на карачках ползу.

У всех, говорите, бывает? Все через это прошли? Все продолжают жить и даже радоваться жизни? А что вы про их личный ад знаете? Про черную пропасть, яму без дна? Когда хочется только одного – утром не проснуться. Исчезнуть с лица земли. Нет тебя – и славно. Всем легче. Ничего не надо решать, не надо вести долгих и тягостных разговоров. Не надо ничего объяснять, не надо оправдываться и просить прощения. Ничего не надо. Даже делить квартиру.

Тебя нет. Тебя нет, а жизнь-то есть, никуда не делась. И все так же хотят есть, пить, спать, покупать хорошую обувь и ездить в далекие страны. Только хотят они всего этого без тебя. Ты – только помеха, докучливая, лишняя, утомительная. С тобой надо еще разобраться. Что-то решить.

Нет! Не надо со мной разбираться! Пожалуйста, не надо! У меня только одна просьба – оставьте меня в покое! Ну пожалуйста! Я отсижусь в своей норе. Как мне там будет – не заботьтесь. Только не надо мне звонить! Ни в дверь, ни на домашний, ни на мобильный! ПОЖАЛУЙСТА! Я вам клятвенно обещаю – я буду жива и здорова. Ну или почти здорова и почти жива. Рук на себя не наложу и из окна не выскочу. Не дождетесь. Подобных неприятностей вам не доставлю. Я не люблю, когда обо мне много говорят, тем более в таком, прямо скажем, малоприятном контексте. Ну и потом – есть мама. Разве я могу сделать ей такое? И Анюте, дочери, зачем лишние слезы, в ее-то положении! Не приведи господи! Или я не мать?

Я понимаю – вы все очень переживаете. Очень. Я для вас не чужой человек – дочь, мать, подруга, сестра. Вы все очень искренни в своих желаниях – помочь, ободрить, утешить. Еще раз все перемолоть. С подробностями.

Вы не понимаете только одного. Мне всего этого не надо. Ведь все люди разные, правда? Ну не могу я часами перетирать все это по телефону или сидя на кухне за сто пятой чашкой кофе!

Мне больно! Вы просто поймите это и избавьте меня от своего участия! Всё, всё. Ни советов, ни ваших впечатлений.

Все. Закрываю дверь. Дальше – я сама.

* * *

И правда, если подумать, жизнь прошла без особых потрясений. Нет, всякое, конечно, было, но если в целом... Если сравнивать с другими...

Семья родителей – вполне благопристойная: папа – инженер, мама – зубной врач. Достаток средний. Нет, все же выше среднего, потому что хороший дантист – это редкость. А мама была отличным врачом, терпеливым и тщательным, даже при карательной совковой стоматологии. Лечила всегда с уколом, к ней стояла очередь, толпы желающих. Ну и соответственно подарки и связи – в аптеке, гастрономе и билетной кассе. Все хотели ей угодить. Нет, денег не брала, тогда мало кто брал. К тому же поликлиника ведомственная, стукнут в пять минут.

Папа тихо сидел в своем КБ. Зарплата так себе, но хватало на все: и на курорты, и на театры, и на красивые платья нам с сестрой Галкой. Сестра – подружка, три года разницы. По полночи шептались. Конечно, иногда цапались – не без того, но все же жили дружно, никаких скандалов. Квартира кооперативная, машина «Жигули», дача. Мы с Галиной занимались музыкой и учились в английской школе. Одним словом, все как у людей.

Потом институт. Первая любовь – не совсем удачная, не без слез. А какая первая любовь без слез и страданий? Без выдумок и глупых ночных стишков? Прошла, слава богу. А потом, через полгода, очень быстро – стремительный, яркий и взрослый роман и – замужество. И все

опять, как положено: свадьба в ресторане, белая «Волга» с пупсом на капоте, платье с кружевом в пол, фата. Родители молодых довольны – один круг, одни интересы. Никакого мезальянса, ни-ни. Детки-то разумные, не зря столько вложено, не огорчили. А что студенты – так это ничего, чем могли, помогали – родные ведь детки! Купили кооператив сообща, ремонт, обстановка. Живите в любви и согласии!

Так и жили. Окончили институт, пошли работать, родили дочку. Свекровь – золотая женщина – взяла внучку на себя. Какой там садик! Мы приходили с работы – дома чисто, ужин на плите, дочка обстирана, накормлена и выгулена. Свекровь чмокала деток и выскальзывала за дверь. Отдыхайте! Наслаждайтесь друг другом!

Отдыхали и наслаждались. Денег хватало не всегда, но родители подбрасывали. Мама привозила дефицитные продукты, доставала шмотки. Все друг друга любили и уважали.

А мне завидовали. Таких гладких и благополучных было немного. У всех кипели страсти, перед всеми стояли неразрешимые проблемы, от личных до материальных. Стерва свекровь, совместное проживание с родителями, садовский, вечно болеющий ребенок, драные сапоги, битва за кусок колбасы и шматок черного мяса.

А еще – пьющие и неверные мужья, заслуживающие только одного: от них можно и нужно гулять и гулять. Брать, хватать от жизни все, пока молода и хороша собой. Нет, были, разумеется, и истинные страсти, настоящие, пылкие романы. У подруг, у коллег. Я видела их безумные воспаленные глаза, тревожные взгляды на телефонную трубку, бесконечное вранье – мужу, любовнику, детям, маме, себе. Смотрела и думала: «Спасибо, господи! Спасибо, что все это происходит не со мной! Что я избавлена от этого кошмара и ужаса. Я бы так не прожила и недели. Свихнулась. Чокнулась. Помешалась. Какая там радость, какое счастье? Черeda проблем, лжи и самообмана».

А потом? Когда все кончалось? Слезы, истерики, клиника неврозов. Безнадежно испорченные отношения в семье, сложности с ребенком. А если и благополучный исход, в смысле – развод и последующий брак с любимым, то через год или два – все то же: козел, дурак, зарплату зажимает, пьет пиво у телевизора, торчит в выходные в гараже. «С моим сыном отношения не сложились – конечно, ребенок-то не родной! А к своей дочурке бежит каждую субботу. Подарки таскает, – жаловалась сослуживица. – А еще и обедает у бывшей и борщок ее нахваливает. Я ему: «Ну и вали, блин!» А он крутит пальцем у виска и говорит: «Ну ты и дура!» Оскорбляет! А я – в ответ. Что я, таких слов не знаю? И пошло-поехало. Трепет, страсть, нежность – где вы, ау? Все то же самое. А может, и хуже. Там хоть папаша был родной, дитя не гнобил».

Я иногда думала: «Я что, счастливая? Удачливая? Или мне все это по заслугам? Ну, должны же быть на свете благополучные люди? Не всем же быть несчастными? Значит, я попала в их число. По заслугам, не по заслугам – какая разница. Просто у меня такая судьба. Такая планида. Уж извините. Да и живу я чисто – не ворую, не вру, чужих интересов не заедаю».

А подружки продолжали пылать в огне страстей.

Вон Людка, школьная подружка. Вышла замуж в восемнадцать, через три месяца родила дочку, через шесть ушла от мужа. Сказала – ошибка юности. Потом еще одна ошибка. Уже молодости. Второй брак, второй развод. Далее – ошибка зрелости. Увела мужика от троих детей. Жена его резала вены. Спасли, слава богу. Родила от этого многодетного еще дочку. Пожили-пожили – разбежались. Он вернулся к прежней жене. Теперь вены вскрыла Людка. Хорошо, что неумело – опыта мало. Выжила. Оклемалась и закрутила с мальчиком двадцати лет. Мальчик этот у нее ремонт делал, спал на раскладушке в коридоре. Дом далеко, в Белоруссии, в глухом бору.

Потом перебрался в Людкину спальню – просторнее и воздуха больше. Людка говорит, что она счастлива – пользует его по назначению. В любовь больше не верит, только потерянное в боях здоровье восстанавливает. Белорус для этого в самый раз.

Врет, потому что ревнует, даже к дочке. Скандалы устраивает, грозит, что на улицу его выгонит. А он отвечает, что не боится. Дерзит. Говорит, мол, баб одиноких полно – и богаче, и моложе, чем Людка. Людка язык и прикусывает.

Или Анька Сайкина, подружка с институтской скамьи. Умница, богатая и успешная, собственная фирма по производству рыбных деликатесов. Спит со своим водителем, законченным дебилом. Говорит, что с коммерсантами завязала. Почему – не объясняет. Просто все они – замороженные, ушлые и хитрые. Себе на уме. Могут подставить. А водитель Витя радуется новым кроссовкам и обожает Аньку. Считает, что ему крупно повезло. Впрочем, так оно и есть. Только вот отдыхать Анька ездит одна или с подружкой. И в гости тоже ходит одна – с Витей ходить стесняется.

Есть еще Сафронова, красотка, каких мало. Замуж не вышла – всю жизнь, со студенчества, караулит своего Бориса Сергеевича, Борюсика. Борюсик был старшим преподавателем. Зароманились. Он обещал, что уйдет из семьи. Прошло двадцать семь лет. Борюсик в семье, Сафронова на прежнем месте. Раз в год, правда, Борюсик вывозит Сафронову на курорт, в Карловы Вары. У него проблемы с печенью, и он пьет водичку, совмещая приятное с полезным. Сафронова томится у источников и тихо ненавидит эти Вары – у нее-то с печенкой все в порядке. Ей хочется на Мальдивы, в Париж и в Рим. Но по тому маршруту Борюсик ездит с женой, дочерью и внуками, большой и дружной семьей. Сафронова периодически Борюсику изменяет. Говорит, что от злости. А потом рыдает и заявляет, что лучше Борюсика нет. Свой, родной. И любимый.

Ленка, соседка по старой квартире. Выгнала своего пьяницу и гуляку, его быстренько подобрали, отмыли, приодели – и... Вася стал приличным человеком. Ленка даже его не узнала, повстречав на улице. Теперь жалеет и льет слезы. Говорит, что сама виновата – терпения не хватило. Жалеет такое «добро», потому что жизнь свою так и не устроила. Одна кукует. Сейчас ей кажется, что Вася и не пил, и не изменял с каждой встречной. В общем, был хороший. А она осталась в дураках и полном одиночестве. Забыла свои слезы, обиды и унижения.

Вот вам примеры. Удачные – как на подбор. Получается, счастливых немного? Или – вовсе нет?

Ну давайте, давайте. В каждом доме по кому, под каждой крышей свои мыши, у каждого в шкафу свой скелет.

У меня не было ни кома, ни мышей, ни скелетов. У меня было все по-честному. Без вранья и притворства. Что это – нонсенс? Огромное, так сказать, невиданное исключение? Что люди просто любят друг друга, верят друг другу и им хорошо вместе?

Да, вы правы – так не бывает. Или проще – не может быть долго. Не бывает в жизни чудес, не бывает.

Кстати, про подруг – их у меня не было, имелись приятельницы. А все потому что в подругах я не нуждалась. Не нуждалась ни в посиделках на кухне часами, ни в долгих, откровенных телефонных разговорах, когда выворачиваются наизнанку все подробности, все нутро, после чего становится легче.

Мне все это было не нужно, потому, что муж Леня заменил мне всех. С ним можно было говорить о чем угодно. Все было интересно. Да и что перемалывать с подругами? Я на их фоне такая удачливая, такая счастливая... Просто даже неловко как-то. Мне и поругать-то было некого – ни мужа, ни дочь...

Да нет, случались, конечно, проблемы. Аня болела все детство, и по математике не успевала, и книг мало читала, и тряпками не в меру интересовалась. И у мужа было всякое:

и неудачи в бизнесе, и предательство партнера, ближайшего школьного друга, кстати. И отец его болел тяжело и долго. Конечно, всякое было.

Но все же я всегда знала – судьба дала мне значительно больше, чем другим, была ко мне благосклонна. Ангел-хранитель незримо кружил за спиной.

А вот сейчас... Мама говорит, что все выпивают свою чашу. Никого не минует. Вот настало и мое время выпить до дна. Осушить, так сказать.

Я примерно предполагала, какие разговоры ведутся за моей спиной. Нет, близкие, разумеется, сочувствуют, да и знакомые, те, кто в курсе, тоже, наверное, не злорадствуют. Плохого-то я никому в жизни не делала – не хвастала, не кичилась.

Но каждый, каждый из них наверняка, вздохнув, подумает: «А что, она – особенная? Почему это ей все, а нам по чуть-чуть? Самую малость? И в семье, и с детьми, и вечно с пустым кошельком...»

Леонид остался приличным человеком. Покаялся. Объяснил, что с ним случилась беда, иначе не назовешь. Со всеми может случиться. Он все понял, все осознал. Никого, кроме меня, ему не надо.

Он называл себя идиотом и молил о прощении. Есть ради чего. Просил вспомнить годы бесконечного счастья, пережитые вместе неудачи и радости. Рождение Анюты, покупку дома, поездки по свету. Сколько было хорошего! Разве можно все так просто перечеркнуть и забыть? Разве раскаявшийся грешник не имеет право на прощение? Даже преступников, даже убийц можно оправдать.

– А ты и есть убийца! – сказала я.

– Перебор, – отозвался он.

Мама говорила, что это – гордыня. Непомерный грех. Наплевать, как это называется. Важно, что с тем, что произошло, я не могу жить.

– А ведь ты меня не любишь! – воскликнул он.

Я пожала плечами:

– Думай так, как тебе проще.

Он ушел из дома – я попросила. Вместе невыносимо. Опять дура! Где гарантия, что он не вернется к той? Что та не примет и не обогреет? И объяснит, какая у него стерва жена и где ему теплее и лучше.

Ну и ладно. Как будет, так будет. Да, я, видимо, не борец. Тысячи женщин на моем месте бросились бы спасать семью и раздувать очаг. Натянули бы на губы улыбку, поменяли прическу и ночью устроили мужу сказочные представления. Да, я дура. Да, у меня гордыня. Или – гордость? Где грань? Я не упиваюсь своими страданиями – мне просто больно. И еще – обидно. И еще – не могу я изображать елку в цирке. Не моя тема. Все люди разные. Предательство оглушает. Это удар по голове, сердцу, почкам. Как устоять на ногах, когда такая боль...

* * *

Он звонил, я не брала трубку. Тогда он прислал Анюту. Та, беременная, стояла под дверью и плакала. Пришлось открыть. Моя девочка обняла меня и опять заплакала. И это в ее-то положении. Сварила ей суп и буквально заставила поесть.

Мама говорит, что я не страдальца, а страшная эгоистка, не жалею никого, кроме себя. Даже беременную дочь.

Звонила Галка. Она только приходит в себя после операции, женские дела, не самые хорошие. Галка кричала в трубку, что еле доходит до туалета, что сын звонит ей раз в неделю, а невестка и вовсе ни разу не позвонила. Муж не хочет ничего понимать и требует глаженные рубашки и обед. Никто ее не жалеет и не понимает, она никого не интересуется.

- Хочешь так? – с напором спросила она.
- Ну, ты сравнила, – усмехнулась я.
- Вот именно – сравнила! – зло бросила Галка и положила трубку.

Анька Сайкина выбрала другую тактику – часами рассказывает всяческие ужасы про знакомых и малознакомых людей. Онкология, авария, ДЦП у ребенка, сгоревшая квартира, све-кровь с переломом шейки бедра, мать, сошедшая с ума.

– Ань, не старайся! – прошу я.

Мне хватает своего. Свой палец болит больше чужого сердца. И потом, смешно – что, мне должно стать легче от объема чужого горя?

– Да, легче, – отвечает Анька. – Все познается в сравнении. У тебя, Ирка, не горе. У тебя – неприятности!

Вот так, значит, теперь называется полнейший крах собственной жизни! Были бы силы – посмеялась.

Мама уже не утешает, кричит:

– Упиваешься? Подумай обо мне, о сестре, о беременной дочери, о нем, своем муже, наконец.

Муж приезжал к маме. Плакал, каялся. Говорил, что все на свете отдаст, только, только бы я согласилась выслушать, попыталась понять. Простила.

– У мужиков в его возрасте любой стресс – инфаркт, инсульт, – пугает меня мама. – Смерти его хочешь? Тогда вот порадуешься, успокоишься. Он сидит один на даче, ест пельмени и запивает водкой. А ему еще работать надо. Бизнес – только вожжи отпусти – все полетит к чертям собачим. А на нем все мы: старики, Аня с твоим, между прочим, будущим внуком. И сестре твоей он операцию оплатил. И еще – Анькины роды, и мою путевку в санаторий. А ты – только о себе. Страдалица. Самая несчастная из всех живущих на этом свете. И правда, беды не видела. Гора не знала. То мы с отцом до двадцати лет нянчились, потом он взялся. Эгоистка, вот ты кто. И мазохистка к тому же. Сиди, жди, пока он тебя не пошлет к чертовой матери. Королева Австрийская! Ковырай свою болячку до кости. Тебе, видно, это нравится. А я тебя жалеть устала. Нечего тебя жалеть, есть кому посочувствовать, кроме тебя, на этом свете: твоей сестре, твоей дочери, мужу твоему. Да у меня самой от твоих фокусов давление под двести.

Оказывается, все от меня устали. Мой муж – человек благородный, кто ж спорит. Всем все устроил, всем оплатил. Чудо, а не зять. Не отец, а ангел с крыльями. Не родственник, а золото высшей пробы. А я – дура, истеричка, эгоистка и плохая дочь. Ну а сестра и мать – вообще отвратительная. Чудовище за пределами понимания. Полное отсутствие благодарности и здравого смысла. Все это – я. Ну и славно. Не общайтесь с таким монстром. Вам же проще. Я облегчаю вам жизнь.

Как жалко, что я не могу запить! Не могу – и все. Не получается. Я совершенно не пере-ношу алкоголь. Дурею даже от тридцати капель корвалола. После бокала шампанского меня можно кантовать как угодно. Как у чукчей: нет какого-то гена, что ли.

Помню, когда была маленькая, у соседки по даче ушел муж к ее же подруге, которая жила неподалеку. Она напивалась и медленно, качаясь и падая, брела к дому соперницы. Подойдя к дачному забору, начинала колотить в него и истошно кричать. Она желала им «сдохнуть и сгнить на помойке». Потом, обессилив, засыпала прямо у калитки злодейки. Та, бывшая подружка, выходила и пинала ее ногами – расчищала путь на улицу. Как-то эта брошенка пришла к нам просить денег. Мама денег не дала, сказала: «Все равно пропьешь». Та согласи-лась и ответила: «А как выживать без этого? Без этого я бы давно утопилась или повесилась».

Дело кончилось тем, что эта брошенная соседка через пару месяцев завела себе любов-ника – местного сторожа. Теперь они выпивали на пару. Она, надев свое лучшее платье и неуместные на даче туфли на каблуках, наложив на лицо изрядный слой яркого макияжа,

брала под руку пьяненького и хилого сторожа и дефилировала по улице мимо дома бывшей подружки.

На ее лице блуждала странная и дикая, страшная улыбка. А глаза были полны ужаса и тоски. А дальше – они спелись и стали пить вместе, вчетвером. Кто-то кого-то зарезал из ревности – не помню подробностей. Кто-то сел, кто-то умер. Из нашего поселка эта дружная компания исчезла. Все тогда говорили: «Слава богу! У нас в поселке люди приличные, такого сброда никогда не было».

Я помню, как мы боялись этих алкашей. Но их жизнь нам была интересна. Таких страстей никто из нас не видел. Мы подглядывали за ними, следили. Смеялись над ними, дразнили их и что-то кричали им вслед. Никого из них нам не было жалко – одно нездоровое детское любопытство.

А ведь эта тетка наверняка страдала. Была ведь когда-то непьющей, работающей, замужней. Сажала георгины и варила варенье.

Итак, вариант запить отпадает. Подружки не утешают, а раздражают. Уехать и сменить обстановку нет никакого желания. Путешествие – это радость и впечатления, а мне не хочется ни радоваться, ни впечатляться. Еще мне не хочется мыть голову, красить глаза и одеваться. Мне хочется лежать в темной комнате с плотно задернутыми шторами и закрытыми глазами.

Я никому не жалею. Никого не грузу. Не скулю, не плачу и не устраиваю истерик. Я переживаю свое горе одна. Переживаю, как умею. А то, что предательство – горе, я абсолютно уверена.

В том, что мой муж раскаивается, я не вижу подвига и героизма. Просто там у него не срослось. Не получилось. А если бы получилось – видели бы мы его, как же. Просто девка оказалась дурой – начала слишком активно качать права и тянуть деньги. Он и прочухался, понял, во что влип, и вспомнил, как хорошо дома и что скоро должен родиться внучок.

Той бы дурочке сидеть тихохонько, забеременеть быстренько – глядишь, и сладилось бы. У скольких это проходило как по маслу! Сколько дураков попадалось в эти сети! Те девицы, кто поумнее, раскрывали свои зубастые щучьи пасти после свадьбы.

Его все жалеют – кается, небритый, несчастный, пьет горькую на даче в одиночестве. Бедолага. С кем не бывает, как говорится. А жена у него бездушная, простить не хочет. Гордая. Дообижается. Пошлет он ее к чертовой бабушке. Допрыгается.

Я не хочу его видеть. Не хочу смотреть ему в глаза. Мне противно. Галка спросила, не скучаю ли я по нему. Нет! Я не скучаю. И мне его не жалко! Вот такая я жестокая дрянь.

* * *

У мамы день рождения. Не ехать я не могу. Да и мама тут ни при чем, у нее юбилей. Я очень боюсь провокации. Мама клянется, что Лени там не будет. Как-то неубедительно звучит ее клятва. Я ее пытаю. В конце концов она говорит, что он пока еще ее зять и ничего плохого ей не сделал. Подчеркивает, что лично ей.

Я задыхаюсь от обиды и возмущения. Ору, как резаная:

– А твоей дочери? Или это не в счет?!

Мама соглашается, что она погорячилась, но на прощание заявляет, что я истеричка и мне необходим врач – невропатолог, а еще лучше психиатр.

Наверно, с этим можно поспорить, а можно и согласиться. Я и сама понимаю, что я далеко не в порядке. Нервы на нуле, без снотворного не засыпаю. Но – разве это так удивительно? Разве любая другая женщина на моем месте плясала бы и веселилась? Сомневаюсь.

Нет. К психологу рано. Я вполне могу справиться сама. Нужно время, чтобы пережить обиду и привыкнуть к своей боли. Интересно, а к предательству можно привыкнуть?

Да, да, я уверена, что это – предательство. Как ни крути и что ни говори. Статистика и жизненный опыт, увещевания и примеры не работают, потому что у всех разные ситуации. Одни живут во лжи всю жизнь, другие и ложью это не считают, третьим важно сохранить материальный статус, они ни за что не откажутся от привычки к хорошей жизни. Некоторые держатся из-за детей, хотя мне это кажется неубедительным. Есть такие, кто на измену отвечает тем же – что ж, успехов им! А у кого-то и вовсе не случилось любви, им и нечего вспоминать: хорошего было немного.

А мне есть что помнить, потому что хорошего было очень много. Очень. И потому, что была любовь. И страсть. И общая молодость. И общие проблемы и трудности, которые никогда не делились на «твои» и «мои».

Вот поэтому это и есть предательство. И никакое другое слово тут не подойдет. Никакой это не банальный поход налево. Человек все сломал и все разрушил, лишил меня веры. А это – страшно. Страшно жить и не верить. Страшно ждать ножа в спину.

Я так не хочу!

Накануне маминого юбилея я раздернула шторы и села у зеркала. Виски седые. Глаза – как у больной собаки. Под глазами... Руки – и те – скукожились и постарели. Вместе с душой.

Так, хватит! Умирать нам рановато, есть еще у нас в жизни дела! В конце концов, через несколько месяцев у меня родится внук или – внучка. Разве ради этого не стоит жить?

Я отменяю свои страдания и попытаюсь жить.

Звоню своему парикмахеру Веруне. Веруня не в курсе моих перемен, говорит, что придет вечером, часов в шесть. Верунино в шесть – это и в восемь, и в девять, и даже – в одиннадцать. Она – человек, не понимающий времени. Оно для нее бесконечно растянуто в пространстве и границ не имеет. Но приходится мириться, Верунино мастерство того стоит.

Маникюр делаю сама. Потом открываю шкаф и перебираю свои наряды. Ищу – бессознательно – что-нибудь потемнее. Ловлю себя на этой мысли и выдергиваю – резко и с силой – платье с алыми маками. Когда-то я его обожала. Говорили, что оно меня очень освежает и молодит. Потом оно стало тесновато, и я полюбила более строгие вещи. Платье с маками отличного качества и фасона, как говорится, на все времена. Вот они, эти времена, и настали – нужно срочно освежиться и омолодиться. С опаской я влезаю в любимое платье. Опа! Болтается мешком. Значит, килограммов пять я точно потеряла. Вот вам и первый плюс в этой истории. Можно начинать радоваться.

Я снимаю платье и бухаюсь в постель. Ничего не хочу – ни платья, ни Веруни, ни встречи с родней. Ничего! Все мои попытки взять себя в руки тщетны. Я слабый и безвольный человек. Мне наплевать на всех, и на себя в первую очередь.

* * *

Веруня проявилась к девяти, такой прыти я от нее не ожидала. Плюхнулась в кресло и потребовала большую чашку крепкого кофе. И еще «что-нибудь пожрать» – у нас давно дружеские отношения. Я растерялась: кофе, да, пожалуйста. А пожрать... Холодильник почти пустой: сыр, молоко и два яйца.

Веруня не смогла скрыть удивления и даже осуждения.

– Ир, ты и не готовишь? У тебя нет котлет, супа и парочки салатиков? Что с тобой, матушка? А, твой в командировке! – сообразила она. – Решила отдохнуть от мартена!

Я киваю, соглашаясь. Веруня съедает два сиротливых яйца и тарелку макарон с подсохшим сыром. Потом я сажусь на стул, и она начинает работать.

– Ну, мать, запустила ты себя! Вся башка белая. И похудела, что ли?

Веруня весит под центнер и не признает худых женщин. Говорит, что те, кто стремится похудеть, просто комплексуют: кроме стройной фигуры, им нечего предложить мужчине. А у Веруни богатая фактура и богатый внутренний мир. И от отсутствия кавалеров она никогда не страдала. Это правда.

Она смотрит на меня пытливо и подозрительно. И я начинаю реветь.

– Говори! – приказывает Веруня и, забыв о своих прямых обязанностях, плюхается в кресло.

Я начинаю говорить. Реву, захлебываюсь и, простите, икаю.

Веруня, сдвинув брови, сурово кивает.

– Все? – спрашивает она, когда я замолкаю, и с чувством выдыхает: – Гад!

– Конечно, гад. Предатель. – Я опять начинаю реветь.

– Да хватит! – сердится Веруня. – Не стоит он твоих слез! – Потом долго смотрит в одну точку и тихо говорит: – А я думала, что так не бывает. Ну, когда на вас смотрела. Никогда такого не видела, чтобы так, душа в душу. Честно и чисто. А вон как оказалось... Как у всех. Ничего необычного.

Веруня расстроена. Мы ее сильно разочаровали. Лишили последних иллюзий. Прости, Веруня!

Она решительно встает и молча и ожесточенно продолжает меня красить и стричь.

Потом угрожающе произносит:

– Вот сейчас сделаю из тебя такую куколку! Все охренеют!

Я закрываю глаза и чувствую, что очень устала. Веруня заканчивает и говорит:

– Ну, смотри!

Я подхожу к зеркалу. И правда – помолодела и стала похожа на себя прежнюю. Мне хочется, чтобы Веруня поскорее ушла, но не тут-то было. Она считает своим прямым долгом все обсудить и обдумать стратегию.

Стратегия такова – проучить его, гада. По полной. Чтобы все понял и прочувствовал. Промучить, выжать все соки. Напугать, чтобы больше неповадно было и чтобы на всю жизнь запомнил, сволочь!

– Ну а потом, – тяжело вздыхает Веруня, – потом, конечно, простить! А куда деваться, Ириш? – Она пугается моего взгляда. – Куда деваться-то? Вся жизнь за плечами – не вымарашь. Да и внучок на подходе. Короче, чего мудрить? Проучить и простить. А куда ты с подводной лодки? На пятом десятке жизнь не устроишь.

– А мне и не надо! – уверенно говорю я.

– Это тебе сейчас так кажется, – грустно усмехается Веруня. – Одиночество бабье – господи не приведи! Да и потом – с кем не бывает! Ну, сорвался мужик один раз в жизни и тут же влип по неопытности. Бог велел прощать. А не простишь – высохнешь и умрешь от тоски или – от страшной болезни. Обиды – они душу до дна выжигают.

И эта туда же! Философ доморощенный. Все про все знают. А я – опять в дураках.

К ночи Веруня напилась и осталась у меня ночевать. Обычная история.

* * *

Я еду к маме, с прической и на каблуках, и, разумеется, с цветами и подарком. Открывает дверь Галина. Выглядит ужасно – болезненно худая, с серым цветом лица. Держится рукой за грудь – говорит, что болит шов. Мне становится стыдно. Выходит мама и долгим взглядом изучает меня.

– Нормально? – интересуюсь я.

Мама вздыхает и качает головой. Опять осуждает. За что на сей раз? Ведь я так старалась! Анюта сидит в комнате на диване и морщит брови. Что-то болит? Нет. Все нормально. По-

моему, она сейчас разревется. Зять Эдик смотрит на меня с нездоровым любопытством. Или мне кажется?

Муж сестры жмет мне руку – так он выражает сочувствие. Я руку выдираю. Дело в том, что я его очень не люблю. В нашей семье считается, что он сломал сестре жизнь. Объясняю – всю жизнь скаречничал, считал каждый рубль, не так давно сестра узнала, что у него есть любовница, а у любовницы дочурка, которую он, оказывается, страстно любит, потому что почти растил. В смысле – принимал жаркое участие.

Как сестра узнала? Нашла завещание, в котором четко прописывалось, что его квартирная доля принадлежит этой девице. И машина тоже. Их машина. Участок земли – тоже. Землю, кстати, получала еще наша мама, а потом отдала сестре. После этого сестра и заболела, но продолжала с ним жить. Мы с мамой ее мужа с трудом выносим. Конечно, на этом фоне мой Ленья – ангел во плоти.

Эдик кружит вокруг стола, как всегда голодный, причем это становится похоже на какую-то болезнь. Анята говорит, что скоро он съест ее. Мой зять всегда молчит, и непонятно, что у него на уме. Мне он совершенно чужой человек.

Среди гостей – мамина сестра Тонечка, старая дева, всю жизнь мечтавшая подцепить хоть какого-нибудь мужичка, пусть самого плохонького. Но даже самые плохонькие от нее сбегали через неделю. Мама говорила, что они задыхались от Тонечкиной заботы и запаха духов «Каменный цветок».

Еще один гость, вернее гостья, – мамина подруга Соня Дизель. Дизель – это фамилия и образ жизни одновременно. Соня, как дизельный трактор, прет по жизни, не разбирая пути. У нее есть оправдание – она старается для семьи. Во все кабинеты она заходит грудью вперед. А грудь – восьмого размера, всех впечатляет. Она сначала увещевает, потом обольщает, а под конец требует. Последнее получается лучше всего. С ней предпочитают не связываться – себе дороже.

Так Соня выбивала лекарства, сапоги, мебельные гарнитуры, квартиры и машины. Ее домашние – сын Семик, сорокалетний пугливый холостяк, дочка Туся, тоже пугливая и болезненная, и муж Аркадий, по-домашнему Кадик. Все дети похожи на папашу – тощие, болезненные очкарики, трепещущие перед своей неслабой мамашей. Сонин дом – полная чаша во все времена, даже в голодные и дефицитные советские. Соня – замечательная хозяйка и чистюля. Но! Есть одно мнение, и это мнение Сони. Все остальные лишены права голоса по факту рождения. Все принимают Сонины заботы и хлопоты, и все, как мне кажется, бесконечно несчастны. Устроить личную жизнь она не позволила ни сыну, ни дочке. Все кандидаты были недостойны, разумеется. А ведь неплохая тетка, остроумная, заботливая. Никого в беде не оставит, всем поможет. А на фига, спрашивается?

Соня заводит меня в угол, дымит мне в лицо и заговорщически шепчет, что может мне дать пару дельных советов. Ни минуты не сомневаюсь! Мама, видя эту картину, орет, чтобы Соня оставила меня в покое. Соня мне подмигивает и шепчет:

– Позвони!

На кухне маме помогает дядя Федя – сосед и друг. С мамой они дружат лет тридцать. Дядя Федя десять лет вдовствует – его жена Милочка, мамина подруга, умерла от аппендицита. Постеснялась ночью будить мужа и вызывать «Скорую». Года через три после Милочкиной смерти дядя Федя предлагал маме сойтись. Говорил, что старость проще коротать вдвоем. Мама ответила, что прибудет его на второй день, как только услышит, как он шаркает тапочками. И добавила, что привыкать к совместной жизни надо смолоду, когда не так обострены нервы и не так на все реагируешь.

Отношения выяснили и продолжают дружить. По очереди ходят в аптеку и в магазин, вместе квасят капусту и моют окна. Вместе гуляют в парке и ходят в кино.

Дядя Федя мне кивает и, проходя мимо, говорит, что все будет хорошо. В жизни все бывает. И не такое люди переживают.

Да знаю я! И про беды людские, и про войны, и про голод. Все знаю. Все понимаю: на фоне всех этих проблем – мое горе – не горе, а так, неприятность. Но у меня от этих знаний и пониманий душа болит не меньше. Просто мне нужно время. И еще – немного сил, чтобы все это пережить и переварить. А пока их нет.

Все сели за стол. Было вкусно, очень вкусно. Мама – замечательная кулинарка. Я тоже ела – в первый раз за много дней. И даже с аппетитом. Пили за мамино здоровье и желали ей, желали... Мама смахнула слезу и сказала, что просит у Бога одного – чтобы у ее девочек все было нормально. Она оглядела взглядом сестру, внучку и меня.

Раздался звонок в дверь. Я сжалась, как пружина. Мама пошла открывать, и я услышала ее радостные вскрики. Все высыпали в коридор, я осталась за столом. Услышала голос Анюты: – Папочка!

Соня Дизель громко уговаривала нежданного гостя раздеться и зайти. Я вышла в коридор. Все замолчали и как-то незаметно рассосались – кто на кухню, кто в комнату. У Леонида в руках был огромный букет кремовых роз, любимых маминых цветов.

У меня закружилась голова, показалось, что я сейчас упаду. Я молча кивнула. Он тоже. Я развернулась и ушла. Но, прежде чем уйти, увидела его глаза. И еще – поняла, как я по нему соскучилась.

Он, конечно, уехал. Все потихоньку вползали в комнату и с опаской смотрели на меня. Дочка тихо хлюпала носом. Эдик принялся за остывшую утку. Дядя Федя начал рассказывать рецепт засолки огурцов. Соня его перебила и рассказала анекдот. Галка выпила рюмку водки – махом. Всем было неловко. А мне... Мне почему-то стало... Не легче, нет. Как-то трудно это объяснить... Вот. Я поняла. У меня из сердца ушла ненависть. Боль, обида, горечь – все осталось. А ненависть ушла.

Главное, чтобы не появилась жалость. Жалеть и прощать я еще не готова. Совершенно не готова. И не надейтесь!

Зять предложил подвести меня до дома, но я отказалась, пожалела Анюту – нечего катать беременную жену по сумасшедшему городу. Дочь обняла меня и зашептала в ухо, громко всхлипывая:

– Mamочка, ну, пожалуйста!

– Все будет хорошо! – уверила я ее.

Она посмотрела на меня и спросила:

– Правда? А когда?

Я отвела глаза:

– Когда-нибудь – точно.

Анюта отвернулась.

Мама собрала мне непомерный пакет еды. Я сопротивлялась, как могла. Не сработало.

Ночью я спала без снотворного – объелась, наверное, а еще – устала. Очень устала.

* * *

После этой мимолетной встречи мне, как ни странно, стало легче. Даже сама не поняла почему, я ведь так боялась его увидеть! Но – отпустила сверлящая сердце ненависть и злость. Наверно, все-таки появилась жалость. «Глупые мы бабы, чудные! – думала я. – Нате вам, жалко стало. Бледный, худющий, щеки ввалились, глаза собачьи. А у меня? Не собачьи? Я не выскакиваю из всех юбок и брюк? У меня не лезут пучками волосы и не появляются новые мор-

щины? Да ладно, жалости на всех хватит. Сердце русской женщины безмерно. А еще надо жалеть дочку, маму, сестру».

В общем, берем себя в руки. Веруня предложила куда-нибудь смотаться, например, к теплому морю. Сменить обстановку и погреться на солнышке. Я отказалась: с Веруней – это слишком. На Верунину активность и темперамент мне сил явно не хватит. Поехать с мамой? Например, в Прибалтику, такую любимую. Нет. Все равно все разговоры прикатятся понятно к чему. Неохота. Анята? Ну, какие ей сейчас путешествия?

На три дня поехала на дачу к школьной подружке Арине. Там – суета, трое внуков, бесконечные шашлыки, гости. Живут люди шумно, весело, безалаберно. Не парятся – как сейчас говорят. Один день – отлично. А на второй хочется уползти к себе в нору и не высовываться. Не созрела я для веселья и тусовок, да, впрочем, никогда их и не любила. Всегда было лучше в тишине и покое, вдвоем с мужем. Даже Анята – стыдно признаться – нам иногда мешала, потому что больше никто был не нужен. Когда захотели – поговорили, когда захотели – замолчали. Просто надо было находиться вместе, недалеко друг от друга. В одном пространстве. Пусть даже в разных комнатах и на разных этажах.

С Ариной дачи вернулась домой с радостью. Зашла в квартиру и вдохнула родной запах. Села на стул в прихожей и просидела – сколько?

Назавтра занялась домашними делами, которые найдутся всегда у любой хозяйки. Привела в порядок всякую мелочь в комодах и шкафах, убрала зимние вещи, достала летние. Нашла корзинку с вязаньем, заброшенную в кладовке лет десять, а то и больше назад, и почему-то страшно обрадовалась. Устроилась с ногами в кресле и стала разбирать клубки, мотки и спицы. Решила связать будущему малышу пинетки. Смешно, конечно, при нынешнем-то изобилии!

В воскресенье поехала с Анятой в Сокольники. Долго ходили по парку и вспоминали, как гуляли здесь в ее детстве. Потом пообедали в кафе. Дочь смотрела на меня с тревогой, а я шутила, с удовольствием съела два пирожных и все подставляла лицо к солнцу.

Прощаясь, Анята обняла меня и сказала:

– Ну вот, мамочка! Все возвращается на круги своя!

Я взяла ее за руку.

– Конечно, доченька. Куда деваться? Жизнь-то идет!

Анятка – трогательная девочка – смахнула слезу и счастливо улыбнулась.

Мы расстались, я обернулась ей вслед. Моя девочка шла тяжело, медленно и осторожно – смешной и трогательной походкой всех беременных женщин. «А жизнь-то пролетела! – подумала я. – Проскочила, как трамвайный воришка с чужим кошельком. Миг – и его нет».

Я шла к метро, тоже медленно и устало, только причины у моей усталости другие – возраст и состояние души.

* * *

Хорошо мне было только дома, выползая из своей норы по-прежнему не хотелось. Леонид всегда называл меня улиткой. Чуть высунулась – и опять спряталась. И опять – хорошо.

Нет, я, конечно, работала над собой. Из всех сил. Вернее – из последних. Ездила к маме, заезжала к Галине. Поехала к своему дантисту – поправить пломбу. Дантист, старый ловелас и дамский угодник, наговорил кучу комплиментов – и как мне идет худоба, и какие у меня глаза в пол-лица, и какой загадочный в этих самых глазах появился блеск. Я махала рукой: «Да ладно вам, ей-богу!» А потом подумала: «А что, приятно, между прочим!» Хотя насчет ничего не стоящих комплиментов сладкоголосого эскулапа нисколько не обольщалась.

Анята попросила съездить с ней в детский магазин.

– Выгуливаешь меня? – усмехнулась я.

Она обиделась:

– Кто кого еще должен выгуливать? А потом, что, тебе совсем не интересно посмотреть на вещички для малыша и всякие там причиндалы?

Интересно, наверное. Но я суеверна. Считаю, что покупать заранее ничего не нужно! Дефицита сейчас, слава богу, нет.

Анюта возразила, что все это глупости и предрассудки. Все всё заранее спокойноенько прикупают.

Ладно, поехали. Магазин для мам и малышек – просто рай земной! Голова начинает кружиться от разнообразия и красоты! Хочется смести с прилавков просто все подряд – и ползуночки, и распашонки, и джинсики, и платьица. Глаза разбегаются! А всякие прибабасики для кормления, купания, ухода! Чудеса! Я еще помню, как доставала маленькой дочке одежду – с рук, у перекупщиков. Рада была и тому, что, поносив, отдавали. Как я плакала, когда порвались очень красивые и удобные польские сандалики! А когда Анюта выросла из зимнего комбинезона, пришлось подвязывать рукава и штанины толстыми красными шерстяными нитками.

Конечно, мы не удержались – купили кофточка и ботиночки. Я вспомнила про свои вязаные пинетки и усмехнулась. После магазина поехали ко мне, выпили чаю, и усталая Анюта легла спать.

Я смотрела на нее – совсем маленькая девочка. С юным и нежным лицом. Спит спокойно, как дитя. Безмятежно спит. Разгладилась складка между бровями.

Как же мне стало стыдно и тоскливо. Плевать на себя, свои обиды и амбиции! Плевать на свою жизнь! Главное, что у меня есть эта юная женщина и ее будущее дитя! А своя жизнь... Была – и спасибо! Не самая, надо сказать, плохая, в общем счастливая – что кривить душой! Как сказала мама, не у каждой женщины бывает и год такого счастья.

А у меня было почти двадцать пять лет! Целых двадцать пять лет! Полгода не дотянули до серебряной свадьбы, чуть-чуть всего!

Анюта уже у двери сказала:

– Хорошо у вас. – И, смутившись, поправилась: – У тебя. Только без папы пусто как-то. – Лицо ее скривилось – вот сейчас расплачется.

Проводив дочь, я зашла в квартиру и села на стул.

Что делать? Простить его, пустить в дом? Сделать вид, что ничего не произошло? Хотя бы – попытаться? Варить ему суп и кисель, гладить рубашки. Ощущать запах его одеколона, его кожи. Слушать его голос. Вечерами сидеть перед телевизором на одном диване. Спать с ним в одной постели. Господи!

Нет. Нет. Нет. Я так не могу. Я сойду с ума от того, что он близко, рядом. От его голоса, запаха и привычек. Я не смогу смотреть ему в глаза. Не смогу взять его за руку. Не смогу пить с ним по утрам кофе и обсуждать бытовые проблемы.

Я – не смогу! Потому что не смогу ему больше поверить! А без доверия и веры жизнь бессмысленна. По крайней мере – для меня.

Ничего не поделаешь – так вот я устроена. Гордыня, говорите? Да пожалуйста, как угодно! Не хватает ума? Ради бога! Нет элементарного расчета и самозащиты? На здоровье! Короче, дура, эгоистка, идиотка. Думайте, как вам больше нравится.

Я – такая! И жизнь мне нужна только та, прежняя. Где все было чисто и ясно. Где было честно!

По-другому мне не надо.

По вечерам было тоскливо. Да что там тоскливо! Просто невыносимо. Так невыносимо, что начинало болеть сердце. Я слонялась по квартире и тихо подвывала – как брошенная у

сгоревшего дома собака. Не могла найти себе места. Домашние мелочи я давно переделала, в шкафах и комодах царил идеальный порядок. Кафель на кухне, плита – вымыты до блеска. Окна сверкают. Занавески перестираны. Даже борщ в холодильнике. Правда, стоит уже три дня – есть неохота. Вязанье тоже осточертело – нитки и спицы снова закинула в шкаф. По телевизору одна мура – почему-то все время на глаза попадаются истории о брошенных и обманутых женщинах. Или это мне так «везет», или имя этим бедным теткам – легион. Если так, то уже легче – не я одна. Я пополнила ваши нестройные ряды. Получила, так сказать, членство в клубе. Ха-ха. Очень смешно.

Читать тоже неохота. Подруги советуют: «Почитай что-нибудь легонькое, расслабь башку». Какое! От этого «легонького» оставшиеся мозги отсохнут и придут в полную негодность. Впрочем, и сейчас за их сохранность я не очень отвечаю... А если чтиво неплохое, качественное, то непременно наткнешься на историю об очередной обманутой и несчастной жене. Да там куда и похлеще – у героя, например, параллельная семья в течение последних двадцати лет. С тайными и вполне взрослыми отпрысками. Или – так: у героя в любовницах лучшая подруга или родная сестра страдалицы. Или вот сюжетец. Из новенького и очень популярного: муж – латентный гомосексуалист, успешный владелец серьезного журнала. Живет, бедолага, всю жизнь с семьей и всю эту жизнь мучается. Тайно влюблен в своего молодого коллегу. К нему и уходит.

Получается, что мне крупно повезло! Просто фантастически повезло, нереально! Мой муж не спал ни с моей подругой, ни с сестрой, не алкал молодого мужчину, не потел при виде подруги дочери и не сгорал в ночных ярких эротических фантазиях о страстном сексе с продавщицей помидоров в лавке на рынке – сочной дамой шестидесяти лет и шестьдесят восьмого размера. Не извращенец, стало быть, и не геронтофил.

У меня, оказывается, все крайне благопристойно! Просто сказочно, оказывается, все. Ну гульнул, слевачил, родимый, разочек. Недолго так, пару-тройку месяцев, с молодой и красивой бабенкой – кто ж откажется, кто устоит? Какой дурак? Покажите!

В первый раз в жизни, кстати. Можно с уверенностью утверждать. Гульнул и влип. Спаллся, как сейчас говорят. Опять же – по неопытности. Опять плюс. Другие врут годами, и все с рук сходит. С кем не бывает? Кто ж проживает без этого жизнь? Тем более когда вместе смолоду, со студенческой скамьи. Когда мужик и не нагулялся-то досыта – учился, работал, бизнес развивал, дочь воспитывал, дом строил, семью по миру возил. Старался. Из всех сил – старался. А тут...

Надо же ценить, матушка. Помнить хорошее. Вычленять главное. Зерна, так сказать, от плевел...

Не получается, говоришь? Ну, что ж, дело личное. Ты у нас за справедливость? Вот и живи одна. Оставайся со своим гонором и непримиримостью. Со своими идиотскими и совершенно нежизненными принципами. Со своей отжившей и устаревшей моралью. Своим категорическим непониманием жизненных реалий. Со своим параноидальным бредом: ах, только честно, и никак иначе!

Иначе, говоришь, как? А так: по-умному. Если ты – женщина, позови, встретить при полном параде, накорми изысканно. Тело – кремом, духами и – в койку. А там, уж извини, – постарайся. От души постарайся. Про лень забудь. Покажи ему все то, на что способна умная, чувственная и зрелая женщина. А то как бывало: то книжка интересная, то устала, то завтра.

А от чего ты, позволь уточнить, устала? У станка стояла в две смены? Лопатой снег разгребала? Обед на десять человек сварила?

Не от чего тебе устать! Не от чего! И ты прекрасно об этом знаешь. И он, кстати, тоже. Он же не идиот. Просто тебе – неохота. Банально неохота.

А ему, как бы ты ни удивлялась, охота. И той соплухе тоже вполне охота! И еще – тысячам и тысячам подобных соплух и просто одиноким и заброшенным, тоскующим бабам.

Так что муж твой вполне пользуется спросом, и ты даже не представляешь каким!
Вот и подумай, милая! Время-то идет. И работает не в твою пользу. Явно – не в твою.

Самое ужасное в этой истории, что я начала по нему скучать. Причем регулярно. Дошла просто до кошмарного и стыдного бреда – я зарываюсь лицом в его свитер и – реву. Потом кладу этот самый свитер на его подушку и засыпаю, уткнувшись в него носом.

Стыдно самой себя. Такое не расскажешь и психотерапевту. Я, по крайней мере, ни за что бы не созналась. Наверно, это от комплексов и пуританского воспитания. И наверное, каждый человек может стыдиться не только собственных поступков, но и собственных мыслей. Мне, например, от этого неловко. Следующий этап, наверное, эротические сновидения с бывшим мужем в главной роли. Очень не хотелось бы, честно говоря.

Он не звонит – по моей настоятельной просьбе. Ловлю себя на паршивой мыслишке, что я бы не стала сильно возражать, если бы он позвонил. И мне опять противно и стыдно. Быстро я, однако, отошла.

Нет. Я не отошла. У меня по-прежнему черно на душе, и временами я его все-таки ненавижу – за его ложь, предательство и слабость. Я знала его человеком правдивым, верным и сильным. Наш счастливый брак держался именно на этих трех китах – доверии, честности и его отменных мужских качествах.

Он меня разочаровал, такого его я любить не в силах, и такой он мне не нужен – вот и все. Я любила другого человека, и любила за его достоинства. Разумеется, у него были недостатки, куча всяких недостатков. Я же не наивная дурочка и не слепая идеалистка. Но на эти недостатки можно было смело закрыть глаза – достоинства и прекрасные свойства его натуры перекрывали все остальное.

Вот и вопрос – для чего нужно идти на компромисс? Во имя чего простить и забыть? Чтобы сохранить статус? Чтобы были спокойны родные и близкие? Или для того, чтобы не провести старость в бедности и одиночестве?

На статус мне категорически наплевать. Родные и близкие со временем успокоятся и заживут своей жизнью. У Аниуты, в конце концов, своя семья и свои хлопоты, и скоро хлопот прибавиться.

Одиночества я не боюсь. Если признаться, одиночество я всегда любила и нахожу в нем много положительного. У меня есть родня, дочь, приятельницы. А бедность? Много мне не надо. Я не тряпичница. Две шубы мне до смерти не сносить. Квартира у меня есть – моя собственная, записанная на мое имя. Без машины я вполне обойдусь. Я и за рулем-то всего пару лет. Могу подрабатывать. Не по специальности, конечно, как специалист я давно ничего не стою. Могу стать гувернанткой, к примеру. Или продавцом в книжном магазине. Могу вязать шерстяные носки и рукавицы и продавать у метро вместе с квашеной капустой. Она у меня отлично получается – хрустящая и сочная. А что? У нашего метро торгуют вполне приличные тетki. Одна – учительница, бывшая, естественно.

Пенсия не за горами, опять же. Проживу. С голоду не помру точно. Перспективка не веселая, но и не смертельная. Или мне так кажется?

Я изложила свои соображения маме. Та долго молчала, а потом с тяжелым вздохом сказала, что она и не предполагала, что я – такая клиническая идиотка. И бросила трубку.

Вот мне интересно, в чем заключается мой клинический идиотизм? В том, что я не готова жить с человеком, которому перестала доверять? Я не вижу в этом ничего удивительного и выходящего за рамки разумного.

Я спросила у мамы, простила бы она отца. Мама – безапелляционно, ни минуты не думая, ответила:

– А ты сомневаешься? Ради детей, ради общественного мнения, ради себя. И еще – я не хотела в сквере гулять одна и обедать одна не хотела. И телевизор в одиночестве смотреть

тоже. Я бы простила. Да вот папа умер. А что такое вдовство... Не дай тебе бог! Простила бы, не сомневайся!

И это при том, что моя мама всегда прекрасно зарабатывала, крепко стояла на ногах и всегда бы прокормила и детей, и себя. И у нее были и есть близкие подруги.

Напоследок мама мне посоветовала не останавливаться на квашеной капусте.

– Можешь еще печь пироги. Они у тебя неплохо получаются. У метро знаешь как пойдут? С капустой по двадцать, с повидлом по пятнадцать. Ставь тесто! – бросила она. – Только муку покупай просроченную. Так рентабельней.

Откуда такие познания? Даже интересно.

* * *

Он позвонил в одиннадцать вечера, я уже засыпала. Его свитер лежал у меня под боком. Услышав его голос, резко села на постели. Сердце билось так, что перехватило дыхание.

– Спишь? – спросил он.

Я не ответила, боялась, что выдаст срывающийся голос.

– Прости, – продолжил он.

Захотелось пошутить, что на это он точно может рассчитывать – на прощение за то, что разбудил, но я вовремя сдержалась. Какие шутки и какое кокетство?

– Что-то случилось? – хрипло спросила я.

Он, помолчав, ответил:

– Да. А ты не заметила?

– Остроумно, – отозвалась я. – А что дальше?

– Мне без тебя очень трудно. И плохо. И еще – я очень по тебе скучаю.

Я перевела дух. Так. Надо быть последовательной.

– Во-первых, – начала я, – мы договаривались, что в ближайшее время говорить на эту тему не будем. И ты мне это обещал. Во-вторых, трудно и плохо сейчас всем. Не тебе одному. Но вместе было бы еще труднее и хуже. А насчет «скучаю», – я постаралась усмехнуться, – это вообще не совсем то, что меня интересует. Это твои личные проблемы. Ты их создал, и ты с ними пытайся справиться. Я же тебе не жалуюсь на свой весьма разнообразный и широкий спектр чувств, ощущений и обид.

– Умница ты, – теперь усмехнулся он. – Все сразу – и по местам. Ловко. И я – подлец, виновник и слабак. И ты – героиня, полная достоинства. Все правильно, все так и есть на самом деле. И слово я свое не держу. Звоню вот, скулю, напрашиваюсь.

– Послушай! – перебила я. – Все имеют право на слабость. Я тебя не упрекаю. Просто я не хочу слушать про «плохо» и про «скучаю». Как-то это все смешно выглядит. Тебе не кажется?

– Да наплевать мне на то, как это выглядит! – в сердцах бросил он. – Ты, как всегда, во всем права. Просто мне захотелось тебя увидеть, понимаешь? До дрожи захотелось. Вот прости мне такую слабость!

– Спокойной ночи! – оборвала его я и, не сдержавшись, добавила: – Со своими слабостями надо уметь справляться, как и со своими желаниями. А еще – уметь держать слово. Этим человек отличается от других биологических видов.

– А еще – человеку свойственны жалость, снисходительность и умение прощать! – выкрикнул он и бросил трубку.

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. В трубке раздавался назойливый зуммер коротких гудков. Я нажала на кнопку и бросила трубку на пол.

Дура. Кретинка. Мазохистка. Эгоистка. Ну, что там еще? А как же христианская заповедь про прощение? А как вообще жалость женская и человеческая? В смысле – к ближнему? Или хотя бы – к себе? А про самое свойственное человеку чувство – чувство самозащиты? Чтобы

опять было сытно, уютно, красиво и спокойно? Чтобы опять – моря, океаны, теплые и все прочие страны? Хорошая гостиница и кофе с круассаном в парижском кафе? Новый кашемировый свитер, такой ласковый к телу, такой теплый? Я ведь такая мерзлячка! И новые сапоги, только Англия, никакой узкой и тесной Италии, только чтобы комфортно и удобно. А новая сумка? Вот здесь – точно Италия. Очень мягкая, безо всяких наворотов и цапок, на широком плечевом ремне. А еще – частные врачи, предупредительные и внимательные. Бассейн с бирюзовой водой и удобными шезлонгами. Продукты из хорошего супермаркета и с Дорогомиловского рынка. Ну там педикюр на дом, массаж. Короче, все большие и маленькие прелести, которые совсем не портят нашу жизнь.

Нет у меня инстинкта самосохранения. У всех людей есть, а у меня вот нет. Такая я сложная натура.

Сказала маме, что звонил муж.

– Ну и? – коротко спросила она.

– А никаких «ну» и никаких «и», – весело отозвалась я.

Мама прокомментировала:

– То, что ты, Ирка, дура, я поняла давно. А то, что сволочь, – недавно.

Я поперхнулась от обиды. Даже слезы брызнули.

Мама объяснила мне, непонятливой:

– Не жалеешь родного человека. Нет у тебя жалости ни на грош. Что он тебе плохого сделал? Отставим, так сказать, последнюю ситуацию. Мало хорошего было? Жалел на тебя денег, притеснял, выпендривался? Капризничал без повода, ныл, занудствовал, жаловался на трудности? Строил тебя, не давал личной свободы? Муштровал? Пил, наконец? Неужели не из-за чего пойти на компромисс? Неужели вся ваша жизнь, та, что была прежде, гроша ломаного не стоит? Или просто – твои амбиции стоят дороже? А если пропадет? Запыет и – сердце? Инфаркт, например? Возраст для мужика критичный. Вот что случись с ним – как будешь жить? Локти обкусаешь, а будет поздно.

– Ясно, – подытожила я.

– Ни черта тебе не ясно! – Мама в сердцах швырнула трубку.

* * *

Поехала к Галине. Стало стыдно – у человека такие проблемы со здоровьем, а я ковыряюсь в своей ране, болячки неподсохшие отдираю.

Галка открыла дверь в старом халате, кое-как причесанная, на ногах мужнины носки и стоптанные тапки. Тот еще видок. В квартире пыль в пять сантиметров. Пол на кухне липнет к обуви. Она шаркает, как старуха.

Пришлось засучить рукава. Прибралась, включила стиралку, вымыла посуду, сварила макароны и бросила в духовку курицу. Сестра вяло отмахивалась:

– Да брось ты это все, ни к чему.

Потом сели пить чай.

– Плохо тебе, Галь? – спросила я.

Она махнула рукой:

– А кому хорошо? Тебе вот, например, хорошо?

Я пожала плечами:

– Мне нормально.

Галина усмехнулась:

– Куда уж! – а потом добавила: – Знаешь, вот я думаю – нелепо прожила я свою жизнь. Бестолково как-то. Хозяйкой была по необходимости – надо же было мужиков кормить и

обстирывать, а все это для меня как оброк, как наказание. Ненавидела эту рутину всю жизнь. Три раза в жизни пирог испекла, и то – шарлотку. Над сыном тряслась, а ничего, кроме его болезней, не видела. Только гланды и почки его меня беспокоили. Его доставала и себя изводила. А он мне как-то сказал: ты ни разу не говорила со мной о жизни. Ни разу. Понимаешь? Вот такой упрек. Учительница из меня тоже никакая. Дети раздражали, учительская – осиное гнездо. На работу ходила, как на каторгу. Вот задумалась сейчас, когда время появилось – а что я любила, от чего получала удовольствие? Ни от дома, ни от работы. Ни от секса – это уж точно. Это вообще как испытания было каждый раз. Проверка на прочность – выдержи или нет. От тряпок? Тоже нет. Может, потому, что никогда себе ничего достойного позволить не могла, а от дерьма рыночного... Сама понимаешь. С невесткой построить отношения не сумела, просто стараться неохота было. Чужая девка, с чужими привычками. На меня – волком. Не простила, что я свою квартиру не разменяла. В больнице у меня ни разу не была, бульон даже не сварила. Сын приехал с бананами и куском сыра. А мой? В смысле – благоверный? – Галина усмехнулась и запахнула поглубже халат. – Когда выходила – казалось, что любила. Что я в этом понимала? Родители говорили – «приличный человек», «приличная семья», «человек нашего круга». При чем тут круг, господи? Ведь ни разу в жизни я не обмерла от его рук, от его запаха. Ни разу сердце не зашло. А у него все по плану. Квартира. Стенка. Холодильник. Телевизор – сначала один, большой – в гостиную. Потом маленький – в кухню. Потом копили на машину, во всем себе отказывали. Потом на ковер. На отпуск. На пальто. На сапоги. Я понимаю – все так жили. Я не об этом. Просто однажды нашла у него тайник в старой подушке. Там – все по пачечкам, резиночкой аптечной перехвачено: рублики, трешки, пятерки. Рубликов поболее – как на паперти стоял. Просто их было проще утаивать. Я ему эти пачечки в нос – а он на меня от злости, что нашла, замахнулся даже и заплакал. Представляешь? Говорит, что от обиды – он же старался. Все на семью, для семьи. Наверное. Только мне так противно стало! Не передать. Как будто вор в собственном доме. Дура я, конечно. Как я его умоляла в Европу поехать! В самый дешевый автобусный тур! А он – только Турция. Потому что там дешевле всего и все включено. Жри, пей. Кошелек можно не доставать. Он еще с собой в Москву прихватил из гостиничного ресторана в последний день. Представляешь? Сыр нарезанный, ветчину, яйца вареные, виноград. Распихивал все в чемодан и радовался, а дома вытащил и жрал, побрякивая. Как черную икру. Такое вот удовольствие от экономии. Или – от халявы. – Сестра замолчала и посмотрела в окно. А потом тихо продолжила: – Ну и эта баба, Нина Петровна... Она ведь даже на его юбилей к нам домой приперлась, не постеснялась. Зад такой, что углы шибает. Смеялась, что ее «виолончель» вся в синяках. С гордостью, надо сказать, сообщила. На голове – башня, вся в янтаре и самовязе. Духи такие, что тошнить начинает. Арабские, наверно. Обычная такая тетка, явно склонная к истерикам и экзальтации. Да, еще свою кулебяку приволокла – вы же, типа, не по этой части. Все, стало быть, про меня знает. Взглядами исподтишка с моим перекидываются. Она что-то там пробует со стола и морду кривит. А он извинительно плечиками двигает – дескать, не обессудь! Из серии – ну барахло, а не хозяйка моя благоверная, уж извини. Ну а уж когда это его завещание нашла... Вот это был удар! Что рядом с этим его жадность, расчетливость и кульки из ресторана. Все это показалось такой ерундой, все померкло. Я тогда долго думала. Пару месяцев. Выпереть его к чертям? Но он же так просто не уберется. Все начнет делить – ложки, тряпки кухонные. Квартиру разменяет. И что? Я на старости лет в коммуналку отправлюсь? Или – к маме? А здоровье уже тогда барахлило. Сяду на пенсию по третьей группе? Работать мне тяжело. Только если консержкой к себе же в подъезд или – в соседний. Вот и подумала – а черт с тобой! Буду тебя использовать, как смогу. На него мне, в сущности, наплевать. Как мужчина он мне не интересен. Пусть Нина Петровна умиляется в полном объеме. И я на все наплевала. Ушла спать к сыну в комнату. Готовить перестала. Спрашивать его, когда он придет, – тоже. В Турцию, полагаю, с ним теперь ездит та же Нина Петровна. Мне по здоровью на юг нельзя. И интересно – не уходит ведь. В

смысле – к ней, на постоянку. Сила привычки, видно. Мужики ведь бояться кардинально что-либо менять. А может, она не хочет. Будни начнутся, носки на полу. А она, судя по всему, девушка романтическая. Любит стихи Есенина и, представь, Асадова. На гитаре играет, глазки закатывает. Я на своего глянула – взгляд, как у мартовского кота, глазки масляные, и пот течет по узкому лобику. Брр. Вот тогда я поняла, как я его ненавижу! – Галина замолчала, вытерла ладонью слезы и усмехнулась: – Надо же! Плакать еще не научилась!

Она поставила на огонь турку с кофе, отвернулась к окну. Кофе шипуче и ароматно выплюнул пену и пролился на плиту. Сестра кивнула:

– Вот. Всегда у меня так. И с жизнью – то же самое. Я не усмотрела. А она выкипела, как вот этот самый кофе. Только от кофе, в отличие от моей жизни, кроме грязи, остается аромат.

Пили кофе и опять молчали. А потом Галина сказала:

– Вот теперь ты понимаешь какими глазами я смотрела на твою проблему. Не беду, заметь! На проблему! Твоя жизнь, Ир, – это сплошной карнавал, в моем понимании. Сплошной, бесконечный праздник. Сплошные впечатления. Господи! Сколько ты всего видела! Страны, города, моря, океаны, горы. Сколько пробовала вкусных вещей! Сколько удовольствий имела от подарков и тряпок! Все себе могла позволить! Ты ведь жила полнокровной жизнью – путешествовала, отдыхала, ходила в театры. А квартира – дворец! Да еще и дача!

Дочка у тебя замечательная. А с мужем? Всю жизнь прожила в согласии и любви. Всю жизнь! Слова резкого от него не слышала. Деньгами распоряжалась как хотела.

Но самое главное – вы друг друга любили! И хотели! Это было видно по вашим глазам. Думаешь, я завидовала? Да, наверное. А что тут удивительного? А кто тебе не завидовал? Да и зависть бывает разная. Я – без злобы, без проклятий, как ты понимаешь. Только вот часто задавала себе вопрос – а почему? Вот почему так неравномерно и несправедливо? Одним – все, а другим... Осуждаешь меня? Противно?

Я покачала головой:

– Нет. Все нормально. Ты же мне зла не желала. А вопросы такие любой бы себе задавал. Так человек устроен. И я бы, наверное, на твоём месте...

– Не сомневайся, – кивнула Галина. – И ты бы тоже. Хотя ты у нас – почти святая. Это я, правда, без иронии! Ты бы не завидовала. Ты, Ириш, другая. Мне, поверь, даже стыдно было – завидовать родной и любимой сестре! Сама себе была противна! А когда у тебя случилась эта история, я вообще чуть от ужаса не померла – вот, думаю, назавидовалась!

– Брось! – остановила я ее. – При чем здесь ты! Просто от своих бед и проблем у человека кожа дубеет. Не мучайся и забудь. Пойми – я ведь думала, что моя предыдущая жизнь – не награда и не божья милость. Я считала, что все нормально. По-другому и быть не может. Вот у всех может, а у меня – нет. Такое вот слепое заблуждение наивного человека. А оказалось, что может... И знаешь, тут ничего не работает – ни чужие страдания, ни беды. Работает только твое. Твое горе, твои слезы, твои обиды. Твое разочарование. Почему со мной так? Ну разве я заслужила? Видишь, у всех все одинаково. Те же претензии и обиды на судьбу.

Сестра кивнула и проговорила задумчиво:

– И да, и нет. Можно по-всякому сказать. Ела большой ложкой – отдохни. Посиди на диете. Осмотрись. Носик опусти. Все мы, бабы, по жизни маемся. Воз свой тащим. А ты? Ну чем ты лучше нас, грешных? Можно тебя пожалеть, похатыть – да. Правда, жизнь наша сволочная. Вот ведь была одна счастливица, и ее шарахнуло. Срубило, бедную, под корень. Все мужики – сво...! И этот – не святой. А как в наши годы собраться? Как не сломаться? Не девочки, поди.

И никакой он не подлец. Обычный мужик. Свежатинок захотелось, молодого мясца. Свое-то, поди, за столько лет опротивело! Нормальные дела, житейские. Пообижалась и – будя. Смотри, подберут мужика. Да что там подберут – схватят и не выпустят. Тетки-то сейчас цепкие, за любого хватаются, на все идут. А тут – не любой. Товар-то вполне ликвидный. – Сестра

засмеялась, а потом тихо добавила: – Да прости ты его, Ира! Прости! Не суши себя обидой! Я вот заболела из-за этих обид – на жизнь и на него, дурня моего. А стоят они нашего здоровья? Страданий наших стоят? А ты вот подумай – а если бы он не одумался? Не решил возвращаться? Слюбилось бы с той девкой и срослось? Родили бы ребеночка, радовались жизни. Ты бы увидела их счастливые физиономии. Легче бы тебе было? Да еще бы и начались материальные проблемы – разделы, распилы. Леня твой, конечно, человек приличный... Но... От них всего можно ожидать, когда горячка любовная прижмет. Они же не головой тогда думают, а сама знаешь чем! Да еще – если эта матрешка деловой окажется. А они все сейчас деловые, не сомневайся! Такие шустрые, что тебе и не снилось! А ночная кукушка – ну, ты понимаешь! Нет, на улице ты, разумеется, не останешься. А вот в однушке в Выхино – запросто. Как нечего делать. Вот и думай, милая моя. Думай! Может, и правда – хватит? Ну хорош уже. И себя довела, и его. И мать переживает, и Анюта. Никому не на пользу, всем плохо.

Я вздохнула и улыбнулась:

– Я подумаю. Обещаю и клянусь! – Выпрямила спину и шутовски изобразила пионерский салют, продолжать разговор не было сил: – Мне пора, извини.

Сестра кивнула:

– Конечно.

У двери мы обнялись и обе замерли.

Я тихо спросила:

– Ну а ты-то как, Галка? Как все будет?

– Как есть, – жестко ответила она. – Менять что-либо и принимать решения у меня сил нет. Пусть идет, как идет. Куда-нибудь кривая вывезет! – Она попробовала улыбнуться, но вместо улыбки получилась жалкая и кривая гримаса.

* * *

На улице было почти жарко – такая ранняя и теплая весна! Синоптики и сами удивлялись аномальной погоде. Впрочем, они всегда и всему удивляются. Словно не ученые со сложнейшими приборами, а бабки-предсказательницы. Все у нас аномальное – и погода, и страна. Аномальное и непредсказуемое.

Распахнув плащ, я быстрым шагом пошла к метро. И вдруг мне ужасно захотелось мороженого – летнего, фруктового. Съела его, надо сказать, с превеликим удовольствием, сама не ожидала. И поняла, что очень хочется мяса – большой такой и сочный кусок. И еще – жареной картошки и малосоленного огурца. И что самое смешное – пива! Высоченный такой, запотевший стакан на пол-литра. Так захотелось, что я жадно сглотнула слюну.

Вспомнила, что неподалеку от метро есть небольшой рынок. Вот туда и пошла, почти побежала. Две отбивные, килограмм картошки, не забыть малосоленных огурцов. Так зримо представила себе вкус этого мяса, ни с чем не сравнимый аромат рассыпчатой молодой картошки, хруст огурца. В общем, если бы не возраст, решила бы, что залетела. Даже смешно стало: на пару бы с Анютой прогуливались! Славная парочка бы вышла! Вот людей бы повеселили!

Дома я исполнила все, что хотела. Поджарила мясо – сто лет не ела жареной свинины! И картошечку туда же! Разложила огурчики, поставила тарелку с горячим. Налила в кружку пива. И – начала кайфовать! Подчистила все до крошки и откинулась на стуле. Хорошо-то как, Господи!

Подумала, что, наверное, началась следующая стадия процесса. В смысле – нервного срыва. Стадия обжорства. Такое тоже бывает. Если буду так жрать, разнесет меня – мама не горюй! В нашей семье не очень хорошая наследственность в этом смысле. Мама всю жизнь держала себя в ежовых рукавицах, а как на пенсии расслабилась – так и тут же разнесло. Ладно,

маме можно, разговор не про нее, а я-то! Никогда так, пардон, не жрала. Все капусточка тушеная, курочка отварная, овощи свежие.

Ладно. Без самобичевания и стыда! Съела и съела! Значит, так было надо. Организм умнее нас. А теперь – на боковую, жирок не расплескать. С книжечкой и с шоколадкой. И идите все к черту!

Я себе сегодня нравлюсь, несмотря ни на что. Я собой, представьте, довольна.

А со мной такое бывает нечасто!

* * *

Все плохо. Все просто очень плохо. Я проснулась после тяжелого, мутного сна и установилась в потолок. Господи, как тошно! Дура наивная! Мяса жареного захотелось! Думала – выздоровела. Просто организм измученный потребовал белка. А душа измученная? Что ей, родимой страдальце, подкинуть, чтобы она успокоилась? Я уткнулась в Ленин свитер и заревела.

Все. Хватит себя мучить. И вправду – мазохистка. Ведь все страдания можно прекратить одним махом! Просто позвонить ему. Можно даже через себя не перескакивать. Не говорить всяких там разных слов – люблю, скучаю, прощаю и т. д. и. т. п.

Просто позвонить и сказать «привет». Он умный. Он все поймет. Он всегда понимал меня с полуслова.

Сказать «привет» и спросить, как дела. А дальше – он сам. Он не станет упиваться моим унижением. Он не такой. Да и унижение ли это? Тоже большой вопрос. Он так не расценит. Он мне поможет. Спросит, что я делаю вечером, и пригласит в кафе. Встретиться на нейтральной территории будет проще, дома оба растеряемся, а в кафе он будет вести непринужденную беседу на всякие разные темы. Поговорить о чем, слава богу, есть. Попьем кофе и пройдемся по бульвару. А потом... Потом я просто скажу ему: «Пойдем домой». И он возьмет меня за руку.

Все. Все закончится. В смысле – мои муки. Да и его тоже. И все начнется. Начнется новая жизнь. Нет, не так. Просто начнется жизнь.

Я встала с кровати, пошла в ванную и долго стояла под почти ледяным душем. Потом заварила себе крепкий чай, долго пила и смотрела в окно.

Скоро начнется дачный сезон. Надо будет покупать рассаду. Подстригать кусты. Подсевать газон. Открывать розы. Господи, как я люблю возиться с цветами! Развешивать корзинки с разноцветными петуниями, копаться в земле, пикировать, пропалывать, пересаживать, удобрять. Анята называет меня Мичуриным. На даче любила печь пироги – с ягодами и грибами. А еще мы ставили самовар, не электрический, настоящий, топили шишками. Пили на веранде долгими вечерами чай. Пахло дымком, пирогами и душистым табаком. Просто сказочные ароматы плыли над головами, обволакивая и расслабляя.

Какими мы там чувствовали себя счастливыми! Просто могли болтать о любых пустяках или – молчать. Если я засыпала, муж укрывал меня пледом и гасил свет, а сам уходил в спальню – читать. Потом я просыпалась и шла к нему, залезала под бочок в уже нагретую кровать и, зевнув, прижавшись к нему, сладко засыпала. Он обнимал меня сильной и нежной рукой.

А утром он просыпался и чмокал меня в нос:

– Вставай, ленивица! Вари мужу кофе и делай яичницу! Ишь, распустилась!

Я мотала головой и отворачивалась к стене. Он вздыхал притворно:

– Ну и наглая же ты, матушка!

Шел на кухню, сам варил кофе и жарил яйца.

Сколько же у нас было счастья! Одно огромное и сплошное счастье! Нереальное и непомерное! А он взял все это и разрушил. Разбил – на мелкие кусочки. Порезал нашу жизнь ост-

рыми осколками в кровь. Расколол – одним движением – в пыль. Растоптал сапогом с коваными набойками. «Извини, я полюбил. Врать тебе не могу. Ты этого не заслужила».

А что он делал все предыдущие годы? Не любил? А как можно полюбить, если в твоём сердце уже есть любовь? Если оно, сердце, заполнено другим человеком?

Получается, что меня он все эти годы не любил. Выходит, жил просто так, по инерции, как все, кто вместе обедает и ужинает, смотрит телевизор, планирует семейный бюджет, ходит в гости и в магазины, ездит на море. Все, кто спит в одной постели и даже исполняет супружеский долг. Все так живут. И мы, оказывается, не исключение. И у нас, как у всех. При чем тут любовь? Смешно, ей-богу! «Ты просто зашоренная дурра, – сказала я самой себе. – Взрослая тетка, скоро бабушкой станешь, а все туда же!» Леня – приличный человек. Не врал, не мотался, заразу и чужие запахи в дом не таскал. Мужчина такой настоящий! Разлюбил, мол, и точка. Врать не хочу. Мучить тебя тоже. Все, просто ухожу. И собрал чемодан. На кредитку мою назавтра после того разговора перевел крупную сумму. Утешил, так сказать. Ох, мужики! Провинился, миленький, надо ложечку медку. В цистерну с дегтем...

Сказал, что квартира – моя и нуждаться я ни в чем не буду. Низкий поклон. Нет, правда. Серьезно, без иронии. Сколько других ситуаций? Да сплошь и рядом! Олигархи делят ножи и вилки, что говорить!

Бывает. Со всеми бывает. Он тогда сказал: «И с тобой же могло такое случиться!» Я рассмеялась сначала, а потом зашла от гнева и обиды: «Со мной? Никогда! И этим ты себя не утешай! Я – не из предателей!»

Про то, что со мной было те полгода, пока он отсутствовал и строил новое счастье, вспоминать не могу. Говорить об этом... Невозможно об этом говорить.

* * *

Он звонил на городской и молчал. На сотовый не позвонишь – определится номер. Присылал курьера с цветами. Заказывал на дом мои любимые суши. Курьеров с букетами и роллами я отсылала обратно: «Съешьте сами, цветы подарите своей девушке». Курьеры уже не удивлялись и звонили в домофон: «К вам подниматься или не стоит?» – «Не утруждайтесь, – отвечала я. – Приятного аппетита!»

Эти дурачки радовались.

А он все молчал в трубку, однажды я не выдержала: «Не надоело доставку кормить?» Он бросил трубку. Дитяtko малое. Тешится дитяtko, в игрушки играет. Полюблю – разлюблю, пришлю, отправлю, позвоню – подышу молча в трубку. Обхохочешься, блин!

А кому рассказать, что у меня половина волос вылезло и климакс наступил раньше времени из-за нервного потрясения, что я не сплю полгода...

Это все – мелочи жизни. Мои мелочи. И мои проблемы.

Я знаю, как выглядит ад. Ад – это я в мятой ночнушке, с всклокоченными волосами, темными кругами под глазами. Ад – это его свитер, с которым я сплю в обнимку. Еще – это мои бессонные ночи, мои слезы и полная потеря веры в человечество. Это самое страшное. Мне хочется, чтобы он прочувствовал все это хотя бы наполовину от того, что чувствую я. До конца, до дна он все равно не поймет – его не предавали.

Я не хочу на дачу. Я не хочу роз и жасмина. Пусть он отстрадает то, что ему положено по справедливости. Я не мщу, просто я за справедливость. Каждый должен платить по счетам.

А за что плачу я? За его свежий и бурный шестимесячный секс? Ну ладно. Будем добрее. Человек перенес влюбленность, испытал давно забытые ощущения, обновил кровь, получил заряд бодрости и выплеск гормонов. В конце концов, это так полезно для предстательной железы мужчин его возраста!

Я не занимаюсь дрессурой. Я не расставляю капканы и ловушки.
Я не слежу сладострастно за его страданиями.
Я просто не готова его простить!
Потому, что он – предатель.

* * *

В нашем дворе жила молодая пара – Лиза и Сергей. Такие ладные и красивые, что хотелось обернуться им вслед. С Лизой отношения у меня сложились вполне приятельские. У них родился чудесный малыш по имени Корней. Хорошая квартира, две очень приличные машины, путешествия, модные тряпки. Все атрибуты достойной и счастливой жизни.

А потом Сергей загулял. Связался с совсем юной нимфой семнадцати лет. Лиза ходила как тень. Зеленого цвета, с заплетающимися ногами и опущенной головой. Корнюша, обычно спокойный, нещадно лупил деток на площадке лопатой и палками и орал, как резаный. Лиза стояла в стороне от мамашек и смотрела в одну точку. Мамашки шушукались и предъявляли ей претензии по поводу террористических актов Корнея. Лиза выдергивала сына из песочницы и уходила прочь. Потом она уехала к маме в Орел.

Сергей с нимфой плыли по тротуару. На нимфе, очень хорошенькой, кстати, переливалась сказочным блеском новенькая норковая шубка, и волосы ее переливались, и сияли глупые распахнутые глазки. Сергей тоже сиял и переливался, наполненный счастьем до краев – еще немного, и расплескает. Он бежал вприпрыжку к машине и раскрывал перед любимой переднюю дверь.

Потом нимфа пересела в Лизину машину – Лиза ушла с одним чемоданом. Нимфа гоняла по двору, резко тормозила и громко газовала. Мамки и бабки, гуляющие во дворе, ее люто возненавидели. Одна из пенсионерок сделала ей замечание, и тут нимфа – глазки, волосики, носик пипочкой, тоненькие ножки – открыла такой ротик! С таким отборным и площадным матом! Короче, заткнулись все и навсегда. Нимфа меняла наряды, сверкала бриллиантами и презирала всех вокруг. Сергей, усталый и резко сникший, таскал тяжелые сумки, букеты цветов и лечил запущенный гастрит – питался в основном заказной пищей и острыми куриными крылышками буффало.

Потом нимфа исчезла – у него хватило ума с ней расстаться. Уезжала она шумно, грузилась в «Газель» со скандалом на весь двор, опять же с матом и проклятиями. «Газель» была полна коробок и чемоданов.

Сережа поехал за Лизой и сыном. Я уехала на все лето на дачу и четыре месяца про них ничего не знала – Лиза, уезжая в Орел, сменила мобильник. В сентябре я вернулась. Соседка сказала, что Лиза вернулась к Сергею, прожила с ним два месяца и... ушла. Куда? Никто не знает.

А вскоре Сергей поменял квартиру.

Лизу я встретила случайно спустя пару лет. Она была еще прекраснее, чем прежде. Улыбка на лице и блеск в глазах. На радостях мы зашли в какую-то кофейнюшку, и она рассказала свою историю.

Да, сошлась с Сергеем – ради сына и из-за материального фактора, чего кривить душой. Ну и еще потому, что сильно по нему скучала и любила его. Очень страдала. Корнюша плакал и вспоминал отца, у него совсем расшатались нервы, пришлось обратиться к неврологу. Вполне достаточно одной этой причины, чтобы наплевать на свою гордость и вернуться.

Сергей каялся и просил прощения – ну, понятно, все по сюжету. Был нежен, ласков, предусмотрителен и терпелив. Купил путевки в Японию – Лиза обожала Восток.

Но даже Япония, воспетая ею в мечтах, не помогла.

Продержалась она недолго. Сначала стискивала зубы и терпела бывшего любимого мужа. Старалась изо всех сил. Но однажды поняла, что так больше продолжаться не может. Не получается справиться с собой, потому что она его возненавидела! Не получилось идиллии. Спать она с ним не могла. Говорила, что все время думала о том, как он обнимал ту девку и что ей шептал, хотя в искренности его не сомневалась ни минуты и убеждала себя, что ради сына нужно терпеть, что на себя нужно наплевать. В общем, загнала себя в угол и свалилась с тяжелейшим неврозом. Месяц пролежала в профильной больнице, а когда вышла – забрала Корнея и ушла. Предварительно объяснившись с Сережей, разумеется. Он умолял не принимать поспешных решений, взывал к ее разуму, сулил прекрасное и светлое будущее – она была неумолима. Сергей купил им маленькую квартирку. Машину, в которой успела поездить нимфа, Лиза, естественно, не забрала. Сергей предлагал ей другую – она отказалась. Купила машину в кредит, сама. Отдала сына в сад и пошла работать. Образование у нее было журналистское. Устроилась на работу в серьезный журнал, быстро сделала хорошую карьеру. Было непросто, даже очень. Корнюша много болел, в садик ходил плохо. Мама жила далеко и переехать в Москву не могла. Пришлось нанять няню – для подстраховки. Сергей, конечно, помогал. Встречался с сыном – нечасто, надо сказать, а потом и вовсе женился, и у него родился ребенок.

Лизе было не до личной жизни. Приходила с работы и камнем падала в постель. Но! Она была вполне довольна своей жизнью и не совершала над собой морального насилия. И физического насилия над ней не совершали. Она была самодостаточна – не люблю это слово, но это так, – она стала хозяйкой своей жизни, сумела подняться из руин и собрать себя по осколкам. А через два года она встретила человека и крепко его полюбила, так же, как и он ее. Подробности не важны. Важно то, что Лиза была счастлива и снова научилась радоваться жизни. Муж ее прекрасно ладил с Корнеем, и они с Лизой собираются завести общего ребенка.

– А если бы я тогда не решилась? – сказала Лиза. – Не ушла бы, терпела? – Она мотнула головой, как бы стряхивая с себя тот ужас, который отчетливо себе представляла.

Конечно, мы обменялись телефонами и договорились встречаться. Жизнь закружила, и Лизу я больше не видела. Спустя время она прислала мне на почту фотографии месячной дочки. Девочку называли Аграфеной. Что поделаешь – мода такая. И потом, чем Аграфена хуже Анжелики?

Правда, когда все это с Лизой случилось, ей было всего тридцать лет. Я это прекрасно понимаю и иллюзий на свой счет несколько не строю.

* * *

Еще одна история, совсем непохожая на Лизину. Была у нас дальняя родственница Раечка Крошкина. Виделись мы с семьей Крошкиных нечасто – родня не близкая. Только на чьих-то свадьбах или на поминках. Раечка и Семен Иванович были замечательной парой. Жили, что называется, душа в душу. Знакомы, кстати, были еще со школьной скамьи. Семен Иванович, дядечка солидный, занимал важный пост в Министерстве лесной промышленности. Раечка не работала – не было нужды, – растила двух сыновей и вела дом. Вела, надо сказать, замечательно. Вся родня обожала ее стряпню. Летом жили на огромной даче, построенной из какого-то отменного бруса, по-моему, лиственницы. В доме не водились мухи и комары – такая вот древесина. Семен Иванович постарался. Раечка держала своих кур, огромный огород, и еще у нее был роскошный цветник. Мальчики росли вполне благополучными – родителей напрягали дозированно.

Семен Иванович считался главой семьи – бесспорно. Перед ним трепетали, и его слово было законом. Раечка, маленькая, грудастая крашеная блондинка, голубоглазая, весьма хорошенькая и похожая на немецкую куклу, мужа боготворила. Подавала ему тапки, ставила тазик

с теплой водой – Семен Иванович страдал тяжелой формой плоскостопия, и у него к вечеру очень болели ноги. Раечка делала ему массаж ступней и мазала ступни кремом «Эффект». Воду, правда, из тазика не пила, но сестры ее осуждали – совсем прогнулась под своим Сеней. Раечка смеялась... «А мне не трудно! Я могу днем с книжечкой поваляться. А Сеня весь день на больных ногах. Или я его не люблю? Или мне его не за что ценить? Или не за что быть благодарной? У вас мужики пьют, денег не носят да еще и по бабам шляются. А мой Сеня? Все в семью и для семьи! Что же я – сволочь какая-то? Роднее человека у меня нет. Даже дети на втором месте», – вздыхая, сознавалась она.

Беда случилась, когда жизнь перевалила за половину и Крошкины готовились к серебряной свадьбе. Семен Иванович и Раечка пошили себе в закрытом ателье нарядные костюмы, присмотрели ресторан, и заботливый муж держал в письменном столе под бумагами бархатную коробочку с бриллиантовым гарнитуром «малинка» – подарок любимой и верной жене.

За три месяца до торжества Семен Иванович поехал в командировку в Пермь. Заселился в гостиницу для партработников и... влюбился в администраторшу Эльвиру Васильевну, даму тридцати пяти лет, пышнотелую и сочную черноглазую брюнетку с тонкой талией, нехилым бюстом и огромной, пардон, кормой. Этакая Лоллобриджида местного разлива.

Купидон беспощадно выпустил остро заточенную стрелу в не совсем здоровое сердце Семена Ивановича, и оно, сердце, сильно стало поджимать, и дыхание участилось. Ему стало ясно: вся предыдущая жизнь с милой овцой Раечкой – напрасно, абсолютно впустую прожитые годы. Эльвира была женщиной свободной. То есть мужиков было море, а вот замуж никто не звал. Да и репутация ее слегка похрамывала – на одну ногу точно.

Была она женщиной неглупой и сразу поняла, что «этот перец поведется». Ночью пришла к нему в номер, проснулись утром вместе. Вернее так – она-то еще крепко посапывала, а потрясенный Сеня сидел на ковре у ее ног и во все глаза, не отрываясь, смотрел на только что обретенную им богиню. В том, что она богиня, он не сомневался ни секунды. Эльвира сладко потянулась, и из-под одеяла показалась ее слегка перезрелая, но все еще роскошная грудь. Семен Иванович с утробным рыком набросился на нее.

– Ты как мальчишка! – томно улыбнулась она.

Лучшего комплимента мужчине под полтинник не услышать! В общем, кувыркались они все пять дней командировки. Семен Иванович похудел и подтянулся. Даже больные ноги перестали его беспокоить – Эльвира показывала ему город, и они исходили его пешком вдоль и поперек.

Но все кончается, как известно. Командировка тоже закончилась. Эльвира провожала его на вокзале, плакала и бежала по перрону за поездом.

В первый раз он из поездки не привез Раечке подарка. Всегда и отовсюду притаскивал дурацкие и нелепые сувениры в виде герба города или подарочной чашки с местной символикой. Раечка не знала, куда девать эту чушь, но исправноставляла подарки в стенку под стекло. Потому что мужа уважала.

Семен Иванович вернулся молчаливым, ел без аппетита и смотрел в одну точку.

– Неприятности? – наконец решившись, участливо спросила верная жена.

Он зло буркнул:

– Приятности.

И надо сказать, это была чистая правда. Он не солгал. Только вот надо было понимать, как теперь с этими «приятностями» жить. И как вообще – жить. В смысле – без Эльвиры.

Спать он оставался в кабинете на диване. Запирался в ванной, включал воду и часами мурлыкал с любимой по телефону. Обсуждать тему серебряного юбилея отказывался – говорил, не до него. Слишком много работы. Раечка растерянно спрашивала:

– А как же быть?

Он бросал на нее гневный взгляд и громко хлопал дверью. Раечка принималась плакать. Он смотрел на жену с откровенной ненавистью. Другими глазами смотрел. И видел, какая она нелепая и несуразная в этом старом и тесном халате, как много у нее в волосах седины, как она причмокивает, когда пьет чай, и как противно, вытянув губы трубочкой, дует на горячий суп.

Он перестал переносить ее даже такое неназойливое общество. Стряпня жены, отменной кулинарки, была теперь ему тоже не по душе. То недосолено, то переперчено. Он бросал со стуком ложку и выходил из-за стола. Раечка скрывалась в спальне, где теперь почивала в одиночестве, и плакала. Сама удивлялась – сколько же у человека слез! Не море – океан.

Советовалась с родными – что с Сеней? Как ему помочь? Многие советовали не трогать – кризис, климакс, что-то со здоровьем. А одна умная троюродная сестра тяжело вздохнула и сказала:

– Дура ты, Райка! Баба у него! Неужели не понятно?

Как обухом по голове. Раечка села и задумалась. Стала все вспоминать и припоминать. Какая же она наивная! Ну конечно же – любовница! Сомнений почти нет. Почти. На что-то она еще слабо надеялась – совсем чуть-чуть.

А Семен Иванович мотался в Пермь. Раз в месяц – больше не получалось. Эльвира была по-прежнему восхитительна. Даже еще лучше, чем прежде.

Она шептала ему абсолютно сумасшедшие слова, о которых он и не подозревал. Он смущался – разве можно такое говорить мужчине? После скромной и сдержанной Раечки... Да что там говорить! У Семена Ивановича реально поехала крыша.

Эльвира ничего не просила: «Только ты, любимый! Только видеть тебя, дышать с тобой одним воздухом! Слушать твой голос и твое дыхание!» Как-то она сказала, что хочет посмотреть Москву. А что, вполне законное желание! Семен Иванович купил ей билет на самолет и снял номер в гостинице «Минск» на улице Горького.

Ему все эти экскурсии и просмотры достопримечательностей были, конечно, по барабану. Он бы сутками не выходил из просторного номера люкс и не вставал бы с широченной и грешной постели. Но Эля жаждала впечатлений. Сходили на Красную площадь, в цирк и Театр эстрады. В музей Эля не захотела – и слава богу! Еще ей очень понравилось обедать в ресторане гостиницы «Москва» и глазеть на Красную площадь. Она заказывала черную икру, севрюгу горячего копчения, рыбную солянку и бифштекс с жареной картошкой. Выпивала одна бутылку грузинского полусладкого.

Он слегка удивлялся ее аппетиту. А она объясняла: «Силы восстанавливаю! После тебя, любимый, я как выжатый лимон!»

И Семен Иванович опять гордился! Ох, как же он гордился! Даже краснел от удовольствия.

Еще Эля днем бегала в ГУМ и ЦУМ. Занимала очереди и звонила ему из автомата на работу. А ангорский костюм можно? А норковую шапку? А болгарский плащ? А югославские туфли?

Он горячо откликался: «Да что ты спрашиваешь? Конечно, конечно! Все, что тебе нравится!»

Еще Эле понравились золотые часики на золотом же браслетике и каракулевая шубка с норковым воротником. Под приобретенную ранее шапку-«кубанку».

Все это было куплено, разумеется. Эля уезжала счастливая. На вокзале плакала и горячо, как всегда, страстно целовала своего Сенечку.

Семен Иванович долго махал вслед уходящему поезду и медленно шел к машине.

В следующий раз, когда он собрался в Пермь к любимой, сильно, надо сказать, соскучившись, Эля ему сказала:

– Да что тебе мотаться в нашу провинцию? Лучше уж я к тебе. В смысле – в столицу.

Он слегка ошалел и испугался. Быстренько подсчитал, во что обойдется гостиница, рестораны и магазины, и испугался уже совсем не слегка. Заначка кончилась. Из зарплаты не вынешь – неудобно. Значит, залезать в долги? А вот это он ненавидел. И людей, берущих в долг, не любил и откровенно презирал.

Но – пришлось. Поехал к своему школьному другу и занял большие деньги.

А Раечка страдала и, самое главное, жалела неверного мужа больше, чем себя. Мается, бедный, мыкается, места себе не находит. Ночами на кухне дымит. А ведь у него – сердце! И давление скачет. А таблетки от давления он пить перестал – выбросил в помойное ведро. Разве в его возрасте такое выдержать? Таблетки от гипертонии и бессонницы она растворяла в теплом чае. Тихо подавала ужин, вешала в шкаф чистые, накрахмаленные рубахи, до блеска начищала ботинки и так же тихо уползала к себе. Теперь они только здоровались и прощались – жили, как соседи.

В Эльвирины приезды Семен Иванович ночевал в гостинице. Жене коротко бросал:

– Не жди.

Она ничего не спрашивала, кивала и опять его жалела. Ее уговаривали пойти к нему на работу и устроить скандал. Ее уговаривали найти разлучницу и расцарапать ее наглуую рожу, а заодно – и наглуую рожу изменника-мужа. Кто-то советовал ей развестись и оставить его ни с чем. Все говорили ей, что она тряпка и законченная кретинка. Что подобные унижения не стала бы терпеть ни одна уважающая себя женщина.

Дети жили своей жизнью и были не очень-то в курсе.

Серебряную свадьбу не справляли. Что людей смешить? А бриллиантовые «малинки» гордо носила прекрасная Эльвира.

Сволочь, конечно, Семен Иванович. Не понимал, во что влипает. Хотя нет. Что-то в его голове начало проясняться. Правда, совсем чуть-чуть. Он прекрасно осознавал, что любимая Эля – немыслимая транжирка. Что она стала наглеть и зарываться. Но при этом оправдывал ее, как всякий любящий человек. А что она хорошего видела в своей жизни? Комнату в деревянном доме без удобств? Больную мать и пьющего отца? Соседей, считающих ее понятно кем... Не замужем, бездетная, при мужиках да еще красавица. А шубку Эльвиринову новую и сережки и вовсе пережить не смогли. Дерьмом дверь измазали и крысу дохлую на порог бросили. Как она тогда плакала! Говорила, что нет ей житья в этом долбаном городе. Прохода не дают! В спину шипят: «Сука и проститутка». Из гостиницы выперли, дескать, работники с такой репутацией не нужны!

Благородный Семен Иванович предложил несчастной возлюбленной переехать в Москву. Предложил – и испугался. А как он ее устроит? Снимать квартиру накладно, про гостиницу и говорить нечего. И он поселил Эльвиру на даче. Зимой семья туда не выезжала. А на даче отопление, теплая вода, душ, туалет. И еще свежий воздух. Привез любимую с вещами, а она недовольно повела носиком: «И что я буду здесь одна делать? С белками и дятлами разговаривать?» Он растерянно развел руками.

Эля с большим трудом выдержала на даче два месяца. Встречала его со слезами и истериками.

Раечке, разумеется, донесли. Все предлагали ей помощь – поехать на дачу и выгнать за волосья «эту гадину» голую и босую. Вызвать милицию и объявить, что эта женщина живет тут незаконно и вообще – без московской прописки. Одна родственница даже предложила поджечь ночью дом. Вместе с соперницей.

Раечка никого не слушала и ничего не делала. Только по-прежнему жалела Сеню. Ей уже было все известно про Эльвиру, и она понимала, что с мужем случилась беда. Что влип он по уши, и как из этого выбираться – непонятно. У знойной брюнетки наверняка имелись далекоидущие планы.

Надо сказать, что Семен Иванович тоже начал раздражаться и даже браниться с Эльвирой – уже было пару стычек. Эльвира испугалась и притихла – возвращаться на родину ей не хотелось. И она объявила любимому, что хочет от него ребенка. Высшее проявление любви!

Семен Иванович испугался всерьез. Новорожденные младенцы, даже зачатые по неземной любви, его не привлекали. Он стал осторожнее, а Эльвира настойчивее. От осторожности и страха его мужские способности потеряли прежнюю силу. Да что там силу – у него теперь часто случались вполне реальные, такие постыдные для любого мужчины осечки. Теперь, приезжая на дачу, в койку он с порога не прыгал.

В доме никогда не было еды. Почему? Эльвира объяснила, что она не кухарка. Она – для любви и страстей. А есть порой очень даже хотелось. Эльвира вздыхала и делала бутерброды.

К лету отношения между влюбленными слегка подпортились. Эльвира все чаще обижалась, дула губки и жаждала светской жизни. Заводила разговоры про развод. Кричала, что быть любовницей для нее унижительно. Что он ее прячет на даче, как Синяя Борода.

Нет, он по-прежнему Эльвиру любил. Ну, может, не совсем по-прежнему... Она его стала заметно утомлять и раздражать, ее было слишком много. К лету пришлось освобождать дачу и снимать квартиру. Он опять залез в долги, купил Эльвире московскую прописку, предложил устроить на работу. Она отказалась – устраивала скандалы и требовала купить ей кооператив.

– Хоть что-то ты можешь для меня сделать? – кричала она. – А не только по мне ползать?

Вот это было совсем пошло. Совсем грубо. Это она сказала зря. Да и потом, он устал. Болело сердце, и скакало давление. Он стал снова пить таблетки, реже появлялся у Эльвиры. Когда она названивала и устраивала скандалы, он бросал трубку.

А Раечка молчала. Подавала, гладила, чистила, ничем не досаждала, не задавала ни одного вопроса.

Однажды Эльвира позвонила ей и истерично выкрикнула в трубку:

– А вы знаете, что ваш муж со мной спит?

– Ну и что с того? – невозмутимо ответила Раечка. – Он и со мной спит!

Впрочем, это было неправдой. Ну, или не совсем правдой. Была одна попытка... Так, попытка – скажем прямо. Мучился все-таки человек от чувства вины, мучился.

Эльвира бросила трубку.

Дело кончилось тем, что она поставила условие: Семен Иванович покупает ей квартиру – она оставляет его самого и его семью в покое.

– У меня нет на квартиру денег! – в бешенстве заорал измученный Ромео.

Раечка слышала этот разговор. Она подошла к мужу и протянула ему сберкнижку.

– Деньги есть, Сеня, – тихо сказала она. – Возьми. Там как раз хватит. И мы наконец покончим с этим кошмаром.

Он открыл сберкнижку – там лежала вполне внушительная сумма.

– Откуда? – изумился он.

Раечка махнула рукой:

– Копила. Экономила на хозяйстве. Так, собрала.

– А зачем? – снова удивился он.

– Да мало ли что в жизни бывает! – пожала плечами Раечка. – Ну вдруг бы ты, не приведи господи, заболел! Или ушел с работы! Времена начались мутные. А все на тебе держится! Чтобы ты не мучился и не страдал, чтобы был спокоен! Собирала, как говорится, на черный день. Вот, считай, что он и настал. – И Раечка грустно улыбнулась.

У Семена Ивановича задрожали губы и из глаз брызнули слезы.

– Какая ты у меня! – потрясенно произнес он.

– Какая? – удивилась Раечка. – Обыкновенная я. Самая обыкновенная. Домашняя клуша. Ничего не умею – только борщи варить и блины печь. Ну и еще половой тряпкой елозить.

Семен Иванович качал головой и смотрел на жену во все глаза. Будто в первый раз. Смотрел на ее спокойную, неброскую и неутомительную красоту, слушал ее тихий и ровный голос и – любовался. Правда-правда – любовался. И еще – плакал. Слезы лились как из ведра.

– Простишь? – тихо спросил он.

Раечка кивнула.

– Только на дачу больше не поеду, Сеня. Извини – не смогу. Так что дачу мы продадим.

Семен Иванович закивал.

Никогда он не чувствовал себя таким счастливым. Никогда в жизни.

Сейчас у Крошкиных трое внуков. Дачу они продали и построили коттедж. Живут в нем круглый год. Семен Иванович стал довольно успешным бизнесменом. Продает лес – уже в новых реалиях – связи-то остались. А у нас все и всегда держалось на связях...

«Какая же Раечка умная!» – думаю я.

И все, полагаю, со мной согласны. Жаль, что она мне такая далекая родня. В смысле – гены вряд ли передались, увы!

Что получается? Лиза ушла и стала счастливой. Раечка не развелась и тоже счастлива. Может, все дело в возрасте? У Лизы, конечно, явные преимущества – и перед Раечкой, и передо мной.

* * *

Я позвонила маме. Хотела задать ей всего один вопрос – почему она не уговорила Галину развестись?

– Какая ты обидчивая и нетерпимая. Все у тебя черное и белое, – вздохнула мама. – Весь мир и всех людей делишь на хороших и плохих. А в жизни – тысячи оттенков и граней. И у каждого свое мнение и своя правда.

– Правда всегда одна, – сказала я. – На то она и правда!

– Видишь ли, Ирочка, нельзя все делить на черное и белое. У твоей сестрицы характер не сахар. Хозяйка она никакая, прямо скажем. Неряха – в кого, не знаю. Работать не любила, мать – тоже так себе. Со снохой отношения выстроить не смогла. Здоровье... Всю жизнь кряхтит и ноет. Сутками лежит в постели.

Хорошая жена, ничего не скажешь! Знаешь, на такое «добро» спрос невелик. У нее и смолodu очередь не стояла. Нашелся один дурак – женился. Бросил через пять месяцев. Потом – удача! Второй объявился! Так вот, этот самый второй дурак, кроме того, что жлоб и бабник, всю жизнь убирал квартиру, гладил белье, таскал продукты. К сыну по ночам тоже вставал он. К ее, между прочим, сыну. Эта барыня только ныла исправно. И в больницу к ней таскался через день, и бульон варил, и яблоко тер с морковью. И всех врачей, несмотря на свое жлобство, оплачивал. И к любовнице своей не ушел – при больной жене остался. Да, кстати, сейчас ей путевку купил в санаторий. Сто долларов день стоит, между прочим.

Вот и подумай – кто хороший, кто плохой? Я ведь человек объективный, не говорю, что мои дети и внуки золотые. Все хороши.

– А я? Чем плоха я? В смысле – жена, мать, хозяйка? Чем я ему не угодила? В чем провинилась?

Мама вздохнула и ответила:

– Ты, Ира, жуткая эгоистка. В этом и корень всех твоих проблем. Ты – пуп земли. Самая честная, самая гордая, самая правильная. И боль твоя самая глубокая, и обида самая смертельная. Советую тебе об этом подумать, может, в чем-то разберешься, хотя бы для себя, может, что-нибудь придет в голову?

– Не придет! – крикнула я и бросила трубку.

* * *

Я решила пойти на работу. Дома наедине со своими мыслями больше находиться невозможно – я поняла, что просто скоро сойду с ума.

В толстом журнале о вакансиях строго ограничен возраст. Я поняла, что шансы мои минимальны. Да что там – их практически нет. Моя специальность... Да какой я специалист? Кому нужен мой покрытый пылью диплом? В секретарши я тоже не гожусь. В продавщицы не хочется. В няньки тоже. Я неплохо знаю английский. Но сейчас вся молодежь знает языки, без них никак. Надомная работа мне не подходит – нужно вырваться из дома, накраситься, одеться и общаться с людьми.

Я поняла – я не умею ничего. Получается, я никому не нужна!

У Анюты своя жизнь, у мамы свои заботы и проблемы. Про Галину я не говорю. Выяснилось, что мы с ней почти не общались – так, ни о чем. Только недавно поговорили по душам. Может, это мне было удобно – не видеть ее проблем? Не замечать их? Близких друзей у меня нет. Никогда я в них особенно не нуждалась. В социуме для меня тоже нет местечка – даже самого малого, незначительного. А муж... Не знаю, что он больше хочет вернуть – привычную, размеренную жизнь или меня. Думаю, что первое. Про любовь говорить не хочу. Любимым не изменяют. Просто там ему оказалось хуже, чем здесь. Вот и весь ответ. Для чего я живу на свете? И – для кого?

Ответа у меня нет. Зато есть ощущение полнейшей безысходности.

* * *

Позвонила старая знакомая – Светка Горб, пригласила на пятидесятилетие. Сказала, что справлять будут в шикарном ресторане – самом модном и очень дорогом. «Муж денег на меня не жалеет!» – повторила она раз пятнадцать. Как говорит Вася Горб, всех везу на своем горбу! Юмор у него есть, это правда. Я за Светку очень рада. Баба она неплохая, невредная. Любит прихвастнуть, правда. Может, оттого, что долго жила в нищете, а потом резко и стремительно разбогатела? Деньги там не просто большие, а очень большие – даже невозможно представить, насколько большие. Света и Вася не просто зажиточные люди – они люди богатые.

Чем занимается Вася, я не очень представляю. По-моему, что-то, связанное с зерном.

Разумеется, у них полно недвижимости в разных странах, роскошные машины, сын живет в Лондоне, там у него успешная адвокатская контора и красавица-мулатка жена, известная модель. А дочь где-то в Швейцарских Альпах, на огромном ранчо.

Светка рассказывала, какое готовится пиршество. Петь будет «сам Киркоров». Для Светки это – высший шик.

– В общем, подгребайте, – подытожила Светка. – Все будет офигительно.

Не знаю, почему я, обычно такая скрытная и сдержанная, раскололась и объявила Светке, что муж мне изменил и мы разводимся.

– Удивила! – фыркнула она. – Знаем мы этих козлотонов! Как дело к полтиннику, они как с цепи срываются, просто чердак сносит. На кого записано имущество? У тебя есть акции его компании? – деловито спрашивала она.

– Да при чем тут это! Какие акции, господи? Он разводиться не собирается!

– А кто тогда собирается? – не поняла Светка.

– Я!

– Сдурела, что ли? Ну, ты, мать, даешь! То есть это ты слиться хочешь, что ли? В смысле – развестись?

Я объяснила, что да. Именно так. «Слиться» хочу я.

– А почему? – осторожно спросила Светка.

– По кочану, – буркнула я. – Не хочу жить с предателем! Вот почему.

– А-а, – протяжно пропела Светка. – Не хочешь жить с предателем... – повторила она мои слова и задумчиво произнесла: – Знаешь, а я была о тебе лучшего мнения. Значит, ты хочешь развестись и жить одна. В одиночестве то есть. Поделить с ним все по-честному и сама зарабатывать себе на хлеб. Тоже по-честному. Да и пенсия не за горами. Сколько там у тебя накапает? Тысяч пятнадцать?

– Ты далека от жизни, – ответила я. – Всего лишь – двенадцать.

– Ну, какая разница-то? – усмехнулась Светка. – Все равно хорошо. На все хватит. Ни в чем себе отказывать не придется.

– При чем тут деньги? – возмутилась я.

– Деньги всегда при чем. И при всем, – назидательно проговорила Светка. – Ладно. Разберемся. А ты все равно подруливай. Будет весело. Да и мужиков – целый рой. Есть даже парочка подходящих.

– Подходящих для чего? – не поняла я.

– Тяжелый случай. – Она, кажется, начала терять терпение. – Для тебя. Не в смысле брака, конечно, а в смысле – потусоваться. Один из Краснодара. Пузан такой небедный. Жена у него там осталась. А здесь ему грустно. Девки молодые – это на час, на два. Больше-то ему и не надо. А он человек семейный. Привык пообщаться, поговорить.

– А чего он жену не привез для общения? – уточнила я.

– А на хрена? – коротко ответила Светка.

Договорились, что она пришлет приглашение и водителя.

Я неопределенно сказала, что ближе к делу мы созвонимся.

Понятно, что никуда я не пойду. Ни к Светке, ни к краснодарскому пузатому, грустящему купчику, ни к королю поп-сцены. Эти игры не для меня. Да и компания тоже не моя.

Не к моему настроению.

* * *

Я рассказала Аняте, что хочу устроиться на работу.

– А зачем? – наивно спросила она.

Я объяснила. Дочь обиделась:

– Я скоро рожу. Какая работа? Я так рассчитывала на тебя!

Вот. Наконец-то. Наконец-то я кому-то понадобилась. Кто-то во мне нуждается. Наверное, это счастье. Странно, что это самой мне не пришло в голову. Наверное, мама права. Я жуткая эгоистка, думающая исключительно о себе и своих проблемах. Даже о родной дочери не подумала. Все ношусь со своими обидами, как курица с яйцом.

Обо всех забыла. А надо бы к сестре лишний раз съездить. И к маме не помешает. А про дочь я и не говорю.

Наверно, я не так безнадежна? Если я все это поняла?

Все – разговоры. Днем можно потрещаться, даже похихикать. Над Светкой, например. А ночью...

Ночью я остаюсь одна. Одна – со своими обидами, тоской. И ничто не помогает. Ничто не может заглушить боль. Я перебираю рассказанные мне истории, вспоминаю чьи-то судьбы, чьи-то жизненные коллизии. Пытаюсь себя успокоить. Вспомнить все хорошее, перестать злиться на мужа, ненавидеть его. Ничего не получается. Так же, как не получается по нему не скучать. Не вспоминать его. В общем, ничего у меня не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.